ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

I.

Первыя литературныя впечатлѣнія.—Бенедиктовъ и Тимофѣевъ.—Карикатуры Неваховича.—Домъ Сушковыхъ.—Графиня Ростопчина.—Мазурка на премію.—Графъ Закревскій и его дочь.—Сергѣй Калошинъ.—Великосвѣтскій шіонъ.—Цензура того времени.—Офросимовъ.—Чтеніе второй части «Мертвыхъ душъ».—Одесскій аканистъ.—Домъ Ржевскихъ.—Гоголь.—Щербина.—Цензорскій промахъ.—Экспромты Н. В. Берга.—Погодинскій «Москвитянинъ».—В. А. Кокоревъ.

ПЕРВЫЯ мои литературныя впечатлѣнія относятся къ началу пятидесятыхъ годовъ, когда я сама о литературной карьерѣ еще и не думала, и когда для меня встрѣча съ «настоящими литераторами» была чуть не цѣлымъ событіемъ.

Правда, еще раньше, въ бытность мою въ Смольномъ монастырѣ, я у моей тетки, инспектриссы, встрѣчала двухъ поэтовъ того времени, Тимофѣева и Бенедиктова, но это были совсѣмъ еще дѣтскіе годы; стиховъ этихъ поэтовъ я еще почти не читала, и оцѣнки имъ дать никакой не могла. То же самое скажу и о первомъ въ жизни видѣнномъ мною опытѣ юмористическаго журнала, въ видѣ картона карикатуръ на современное общество и на современныхъ дѣятелей, издававшихся Неваховичемъ. Были ли это періодическіе выпуски, или карикатуры эти являли собою правильно организованную серію рисунковъ, я теперь сказать не умѣю. Въ моей памяти осталось только то, что въ этихъ карикатурахъ много просвѣчивало насмѣшекъ надъ армейскими офицерами, и что эта особая коллекція карикатуръ

носила одно общее наименованіе: «Марсъ въ мирное время». Мы, какъ дѣти, смѣялись надъ остроумными шутками, не оцѣнивая въ ту минуту всей силы и тонкости ихъ бичующаго остроумія, а потому и представленія о нихъ остались у меня въ памяти только отрывочными впечатлѣніями.

Впервые лицомъ къ лицу съ «настоящими литераторами» я встрѣтилась въ годъ моего выпуска изъ Смольнаго монастыря, въ Москвѣ, въ домѣ Николая Васильевича Сушкова.

Домъ Сушковыхъ былъ въ то время однимъ изъ главныхъ центровъ московской интеллигенціи и носилъ совершенно своеобразный, оригинальный характеръ, заставившій извѣстную русскую поэтессу, графиню Ростопчину, прозвать его «la maison du bon Dieu».

У Сушковыхъ въ то время жила ихъ племянница, Екатерина Ѳедоровна Тютчева, дочь извѣстнаго поэта и дипломата Ѳедора Ивановича Тютчева, на сестрѣ котораго, Дарьѣ Ивановнѣ, и былъ женатъ Сушковъ.

Тютчева, какъ и я, только что передъ тѣмъ окончила курсъ въ Смольномъ монастырѣ и тотчасъ же послѣ выпуска переѣхала въ домъ тетки, разставшись съ двумя сестрами своими, Анной и Дарьей Ѳедоровнами, изъ которыхъ первая, окончивъ ввѣренное ей воспитаніе великой княжны Маріи Александровны, впослѣдствіи герцогини Эдинбургской, вышла замужъ за извѣстнаго публициста и славянофила Ивана Сергѣевича Аксакова, а послѣдняя умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ званіи камеръ-фрейлины государыни императрицы.

Сушковъ самъ принадлежалъ къ числу современныхъ русскихъ литераторовъ, хотя и не особенно удачныхъ, домъ же свой онъ сумѣлъ поставить чуть ли не во главѣ всѣхъ интеллигентныхъ кружковъ тогдашней интеллигентной Москвы.

Это было время самовластнаго, чуть не деспотическаго управленія Москвою временщика графа Закревскаго, домъ котораго ничего общаго ни съ литературой, ни съ интеллигенціей не имѣлъ. Хозяйкой въ его домѣ была дочь его, графиня Лидія Арсеньевна Нессельроде, жившая отдѣльно отъ мужа и составившая себѣ громкую извѣстность своими кутежами и широкимъ размахомъ, своей крайне своеобразно сложившейся жизни. Какъ она, такъ и ея неизмѣнная подруга А. А. Вадковская ни литературными ни общественными вопросами не интересовались, а заняты были только смѣлыми проявленіями самаго безшабашнаго веселья. У нихъ былъ свой кружокъ, къ которому молодыя женщины общества приставали неохотно, и въ который молодыхъ дѣвушекъ не вводили вовсе. Общество московское, въ широкомъ значеніи этого слова, собиралось въ домѣ Закревскаго только на офиціальные балы, и въ остальное время блистало своимъ отсутствіемъ. Изрѣдка къ этому кружку приставала и графиня Ростопчина, но ея появленіе въ этомъ свое-

образномъ обществѣ являлось исключеніемъ, которымъ она не только не гордилась, но въ которомъ даже не особенно охотно признавалась.

Въ домѣ Сушковыхъ графиня Ростопчина бывала очень часто и состояла въ довольно близкомъ родствѣ съ Сушковымъ, такъ какъ сама была урожденная Сушкова. Мнѣ ее приходилось встрѣчать здѣсь довольно часто, и образъ ея очень отчетливо запечатлѣлся въ моей памяти. Она была вовсе не хороша собой, но ея чудесные выразительные глаза придавали столько жизни ея подвижному лицу, что, когда она оживлялась, ее можно было предпочесть любой красавицѣ. У Сушковыхъ въ домѣ она была какъ своя, часто и охотно читала и декламировала свои стихи, и всегда, тотчасъ послѣ написанія новой вещи, прежде всѣхъ дѣлилась ею съ Н. В. Сушковымъ.

Литературному вкусу и тонкому нравственному чутью Сушкова она очень вѣрила и, очевидно, не ошибалась. Сушковъ, дѣйствительно, былъ хорошимъ знатокомъ и вѣрнымъ оцѣнщикомъ чужихъ литературныхъ произведеній, что не мѣшало ему самому писать прямо-таки отвратительныя пьесы, которыя видѣли свѣтъ рампы, только благодаря исключительному положенію ихъ автора и желанію артистовъ угодить ему.

Не чуждъ былъ этому угожденію и безсмертный Щепкинъ, поставившій чуть ли не въ свой бенефисъ совершенно безтолковую пьесу Сушкова «Раканы». Успѣха пьеса не имѣла никакого, несмотря на то, что на первомъ представленіи присутствовали всѣ близкіе и друзья автора, что значило—вся Москва.

Неуспѣхъ его произведенія не остановилъ усердія автора, и въ слѣдующій сезонъ онъ провелъ на императорскую сцену свою другую пьесу—«Вертящіеся столы», написанную на злобу тогдашняго дня, всецѣло охваченнаго вопросомъ о нарождавшемся спиритизмѣ и о верченіи столовъ.

На первомъ представленіи этой пьесы можно было убѣдиться, какъ своеобразно относился Сушковъ къ своимъ произведеніямъ и какъ онъ былъ глубоко увѣренъ въ своемъ творческомъ талантѣ.

Въ театръ онъ пріѣхалъ чуть ли не первымъ, до поднятія занавѣса перебѣгалъ изъ ложи въ ложу, съ шутливымъ тономъ прося о «снисхожденіи», и когда пьеса была немилосердно ошикана, то съ тѣмъ же апломбомъ онъ вновь обѣжалъ всѣхъ знакомыхъ, громко восклицая:

— Интрига!.. Безпощадная, безумная интрига!!. Я этого ожидалъ...

Въ этой пьесѣ я въ первый разъ увидала Акимову, въ то время еще состоявшую дублершей при Сабуровой и не смѣвшую мечтать о первыхъ роляхъ.

Весь комизмъ пьесы, сколько я помню, сосредоточивался на томъ, что Акимова, и въ то время уже очень полная, увязла въ

маленькомъ и узкомъ креслѣ и всячески напрасно старалась освободиться изъ него, принимая свой плѣнъ за дѣйствіе спиритической силы.

Постоянная неудача, преслѣдовавшая Сушкова, какъ драматурга, подала поводъ къ очень забавной карикатурѣ, изображавшей Николая Васильевича въ видѣ больнаго, лежащаго въ постели и уставленнаго піявками, на которыхъ значились имена написанныхъ имъ пьесъ. Вдоль піявки, приставленной къ его головѣ, написано было: «Раканы», на піявкѣ, приставленной къ сердцу, значилось: «Вертящіеся столы», и такъ далѣе. Карикатура принадлежала перу одного изъ его близкихъ друзей, но онъ ее видѣлъ и не разсердился на ѣдкій намекъ.

Авторъ «Тарантаса», графъ Соллогубъ, говорилъ, что не знаетъ, чему больше удивляться въ Сушковѣ: кротости ли его голубиной, или бездарности его всесторонней?

— Мы съ нимъ вдвоемъ прямо-таки притчу евангельскую олицетворяемъ!—говорилъ Соллогубъ.—Онъ кротокъ аки голубь, а я мудръ аки змій.

Въ качествѣ хозяина дома, Сушковъ былъ необыкновенно гостепріименъ и любезенъ, и веселье у него въ домѣ царило самое непринужденное. Непринужденность эта подчасъ даже не особенно нравилась его женѣ, выросшей въ чопорныхъ условіяхъ прежняго «большого свѣта», но Сушковъ съ этимъ не особенно строго считался, и въ домѣ упорно не допускалось ни малѣйшаго стѣсненія.

Помню я, какъ однажды послѣ театра собравшейся молодежи захотѣлось потанцовать. Большого зала, въ строгомъ смыслѣ, въ квартирѣ Сушковыхъ не было; немедленно очистили отъ мебели большую гостиную, зажгли люстру, и подъ звуки рояля, за который сѣлъ одинъ изъ присутствовавшихъ на импровизированномъ балѣ артистовъ, закружились веселыя пары.

Протанцовали бывшій тогда въ модѣ плавный вальсъ à trois temps, сдѣлали нѣсколько туровъ уже выходившей изъ моды польки, и, по общему желанію присутствовавшихъ, раздались бойкіе, захватывающіе звуки залихватской польской мазурки...

Въ Москвѣ всегда есть лихіе мазуристы, и на этотъ разъ одинъ изъ нихъ, князь Четвертинскій, былъ налицо. Въ числѣ присутствовавшихъ была и природная варшавянка, жена адмирала Мендта, очень красивая и очень недалекая барыня. Вначалѣ она отказалась принять участіе въ импровизированномъ балѣ, но когда объявленъ былъ конкурсъ и выбраны эксперты для того, чтобы рѣшить, кто лучше всѣхъ танцуетъ бойкій и увлекательный польскій танецъ, m-me Мендтъ рѣшила выступить въ числѣ соискательницъ на премію.

Танцовали очень разнообразно, такъ какъ этотъ танецъ, преимущественно передъ всѣми другими, допускаетъ полное разно-

образіе въ исполненіи. Одни бойко носились, какъ бы подхваченные вихремъ; другіе плавно скользили по паркету; иные старались подражать классической балетной мазуркѣ, и вотъ это-то именно разнообразіе и вызвало сначала споръ, а затѣмъ и конкурсъ...

Сушковъ, котораго всѣ подобнаго рода эксцентричности всегда сильно занимали, пожелалъ не только оставить за собою право экспертизы, но еще, при каждой изъ паръ, поочередно выступавшихъ на судъ публики, громко, какъ глашатай, объявлялъ тотъ «жанръ», къ которому принадлежитъ исполненіе танца. Такъ, при шумномъ пристукиваніи каблуками красиваго и миніатюрнаго князя Абамелика, Сушковъ объявилъ громогласно, что на арену выступаетъ «вѣнская мазурка», или «вѣнскій жанръ»; Катерину Львовну Засѣцкую, плавно скользившую по залу съ преображенцемъ Ржевскимъ, онъ назвалъ представителями «парижскаго жанра», одну изъ паръ назвалъ представителями «русскаго жанра», но настоящаго польскаго шика и пошиба не призналъ ни за кѣмъ.

Вотъ тутъ-то рѣшилась выступить m-me Мендтъ, выбравшая себѣ кавалеромъ Тарновскаго, природнаго поляка, родившагося и выросшаго въ Варшавѣ.

Всѣ насторожились... Всѣхъ заинтересовала мазурка этихъ двухъ лицъ, хорошо и близко знавшихъ Польшу и все ей близкое и родное.

M-me Мендтъ сбросила мантилью, подала руку своему кавалеру и понеслась по залу съ прирожденной граціей и воодушевленіемъ истой варшавянки. Выбранный ею кавалеръ оказался достойнымъ ея партнеромъ, и живой, чуть не вдохновенный танецъ увлекъ всѣхъ присутствовавшихъ... Имъ усердно апплодировали... кричали «браво», и когда они окончили, то шумно потребовали повторенія.

M-me Мендтъ согласилась протанцовать еще разъ, но тутъ случился эпизодъ, для дома Сушковыхъ совершенно неожиданный.

Оказалось, что ботинки красавицы нѣсколько жали ей ногу... Она согласилась пройти еще два или три тура мазурки, но не иначе, какъ безъ башмаковъ, и, получивъ восторженное согласіе мужчинъ и нѣсколько смущенное согласіе дамъ, живо сбросила ботинки... и въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ понеслась по залу..

M-me Сушкова была совершенно скандализована, а Сушковъ, продолжая свою роль глашатая, громко и отчетливо объявилъ:

— Жанръ Нессельроде!..

Я слышала потомъ, что ему пришлось по этому поводу имѣть довольно непріятное объясненіе съ Закревскимъ, не посмѣвшимъ, впрочемъ, распространить свое негодованіе дальше простого объясненія, съ глаза на глазъ...

Что касается Мендтовъ, то ни мужа, ни жену мнѣ нѣкоторое время не приходилось встрѣчать въ домѣ Сушковыхъ. Потомъ все обошлось, и прежнее короткое знакомство возобновилось, къ обоюдному удовольствію обоихъ семействъ.

Въ домѣ Сушковыхъ мнѣ удалось познакомиться и съ однимъ изъ выдававшихъ тогда представителей русской прессы, Сергѣемъ Калошинымъ, только что начавшимъ въ то время издавать своего «Зрителя», на первыхъ порахъ очень заинтересовавшаго московскую публику.

Вопросы періодической литературы меня въ то время не особенно сильно интересовали, и я не могу въ точности указать ни эпохи расцвѣта, ни эпохи упадка калошинскаго изданія.

Какъ человѣкъ, Калошинъ мнѣ припоминается очень корректнымъ и образованнымъ членомъ общества, очень пріятнымъ собесѣдникомъ, съ которымъ всѣ тѣмъ не менѣе держались настороже, зная его всегдашнюю готовность подловить смѣшную сторону человѣка и полную возможность его, при посредствѣ открытаго имъ журнала, вывести каждаго на общественное посмѣяніе.

Помню я смутно довольно громкую исторію, возникшую на этой почвѣ между Калошинымъ и однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей Сушковскаго дома, пѣкіимъ дю-Бриньи, личностью довольно загадочною, долгое время очень умѣло морочившею публику и сумѣвшею занять довольно видное мѣсто въ московскихъ салонахъ.

Въ то время общество было разборчивѣе, нежели теперь, по пасть въ настоящій аристократическій кружокъ было очень трудно, и, несмотря на это, дю-Бриньи былъ принятъ положительно всюду и держался болѣе нежели независимо. Это былъ человѣкъ сравнительно еще молодой, съ выразительнымъ, хотя и вовсе некрасивымъ лицомъ, съ импонирующимъ гономъ и какимъ-то высокомѣрнымъ оттѣнкомъ въ обращеніи со всѣми, кто хотѣлъ уступать ему.

Помню я, какъ одного изъ постоянныхъ посѣтителей дома Сушковыхъ, очень талантливаго молодого человѣка, по фамиліи Иванова, дю-Бриньи, видимо, завидуя ему, называлъ «мосье д'Ивановъ», какъ одной изъ свѣтскихъ дамъ, злоупотреблявшей пудрой и румянами, онъ присвоилъ прозвище «beau masque», а графа Закревскаго, очень любившаго говорить рѣчи и всегда заикавшагося на первомъ словѣ, мѣтко окрестилъ прозвищемъ «perroquet constipé».

Дю-Бриньи никто положительно не любилъ, да онъ, очевидно, и не гнался ни за чьимъ сочувствіемъ; онъ жилъ въ томъ глубокомъ убѣжденіи, что на его вѣкъ дураковъ хватитъ, но въ этомъ его отчасти разочаровалъ Калошинъ, первый пожелавшій серьезно заглянуть въ его прошлое и провѣрить его настоящее. При этой провѣркѣ оказалось, что имени дю-Бриньи до настоящаго появленія этого господина никогда никто не слыхалъ, какъ равно ни-

кто не могъ утвердительно сказать, откуда явился и настоящій его представитель? Проживалъ дю-Бриньи на краю города, на Прѣснѣ, въ домѣ кн. Несвицкаго, вмѣстѣ съ сестрой и матерью, но ни ту, ни другую никто никогда не видалъ, и образъ ихъ жизни, по провѣркѣ, сдѣланной Калошинымъ, далеко не соотвѣтствовалъ тому широкому пошибу, какимъ старался щегольнуть самъ дю-Бриньи.

Къ этому времени произошло нѣсколько непріятныхъ столкновеній между нѣкоторыми изъ членовъ настоящаго «большого свѣта» и всесильнымъ и всѣмъ равно страшнымъ въ то время Третьимъ Отдѣленіемъ. Непріятности эти, какъ быстро выяснилось, явились слѣдствіемъ анонимныхъ доносовъ и ловкаго шпіонства,

При болѣе подробномъ изслѣдованіи выяснилось, что неосторожныя фразы и смѣло высказанныя мнѣпія, поставленныя въ вину вызваннымъ въ Третье Отдѣленіе лицамъ, произнесены были «въ своемъ кружкѣ», въ настоящемъ обществѣ, и прямымъ послѣдствіемъ этого явилась серьезная фильтрація этого «общества».

Калошинъ первый указалъ на сомнительную личность дю-Бриньи.. Въ него всмотрѣлись пристальнѣе и ближе, и... слишкомъ поздно убѣдились, что допущеніе его до интимнаго сближенія съ строго порядочнымъ обществомъ было большая ошибка, которую необходимо было немедленно исправить. Его стали сначала обходить приглашеніями... затѣмъ холодно принимать... а когда и это не всѣмъ удавалось, то отъ многихъ домовъ ему было прямо отказано...

Онъ пробовалъ бороться противъ такого остракизма, но это ему не удалось, а такъ какъ изгнаніе его изъ общества сдѣлало и его службу въ Третьемъ Отдѣленіи почти безполезной, то онъ быстро стушевался съ московскаго горизонта, не имѣя средствъ поддерживать не только прежній образъ жизни, но и удовлетворять ея потребности, самыя невзыскательныя.

Что сталось съ нимъ впослѣдствіи, я не знаю, но стороной мнѣ пришлось слышать, что онъ и на югѣ попробовалъ проявить свою непохвальную дѣятельность, очевидно, не чувствуя себя способнымъ ни къ чему, кромѣ шпіонства и доносовъ.

Первымъ обличителемъ этого псевдо-аристократа былъ Калошинъ, и ему принадлежитъ честь избавленія московскаго общества отъ этого великосвѣтскаго сыщика... Этотъ типъ сыска, какъ мнѣ удалось узнать впослѣдствіи, всегда существовалъ и... продолжаетъ существовать, при всевозможныхъ сыскныхъ полиціяхъ и охранахъ, и въ рядахъ дорого оплачиваемаго «свѣтскаго» сыска существовала и существуетъ цѣлая клика женщинъ. Именъ я, понятно, называть не стану, замѣчу только вскользь, что, несмотря на нелюбовь къ синему мундиру у весьма многихъ, любой изъ его носителей все-таки предпочтительнѣе тайнаго шпіона...

По поводу синяго мундира мнѣ пришла на память довольно рискованная острота одной изъ представительницъ тогдашняго high life, Натальи Сергѣевны Ржевской, урожденной Фонвизиной, извѣстной въ Москвѣ своимъ умомъ и подчасъ не останавливавшейся передъ довольно рискованнымъ острымъ словцомъ...

Весело болтая однажды въ своемъ, всегда переполненномъ посѣтителями салонѣ, она обратилась къ своему собесѣднику съ оригинальнымъ вопросомъ:

— Скажите, какая разница между жандармомъ и беременной женщиной?..

Тотъ взглянулъ на нее съ глубокимъ удивленіемъ.

— Не знаете?—разсмѣялась она.—Ну, такъ я вамъ скажу. Беременная женщина, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ «не доносить»... а жандармъ непремѣнно «донесетъ».

Эта шаловливая глупость, повторенная многими изъ почитателей исключительнаго ума Н. С. Ржевской, дошла до тогдашняго жандармскаго генерала Перфильева и была причиной непріятности для мужа Натальи Сергѣевны, который въ то время состоялъ цензоромъ въ Москвѣ.

Цензура въ то время была необыкновенно строга, и гг. цензорамъ работа была тяжелая.

Какъ теперь помню я, какъ въ одно изъ засѣданій Ржевскому объявленъ былъ изъ Петербурга выговоръ за то, что въ одной изъ повѣстей, помѣщенной въ «Москвитянинѣ», встрѣтилось слѣдующее сопоставленіе.

Описывался пріѣздъ въ уѣздный городъ дочери городничаго, и въ видѣ характеристики сказано было: «Она была большая кокетка» и въ скобкахъ добавлено: «воспитывалась въ институтѣ».

Въ настоящее время почти невѣроятнымъ можетъ показаться, чтобы подобная безобидная фраза могла послужить мотивомъ къ служебному взысканію, а между тѣмъ Ржевскому, какъ я уже сказала, былъ объявленъ официальный выговоръ, съ разъясненіемъ, что подобная фраза, «бросаетъ тѣнь на учрежденія, находящіяся подъ непосредственнымъ покровительствомъ государыни императрицы».

О такой натяжкѣ въ данную минуту можно разсказывать только въ видѣ анекдота, а въ то время это было почти обычнымъ явленіемъ.

Возвращаюсь къ дому Сушковыхъ.

Въ числѣ лицъ съ которыми мнѣ тамъ приходилось часто встрѣчаться, былъ Ѳедоръ Сергѣевичъ Офросимовъ, богатый московскій домовладѣлецъ и очень образованный человѣкъ, близко стоявшій ко всему, что высшая интеллигенція считала въ своихъ рядахъ.

Въ то время, когда я его узнала, онъ былъ еще холостымъ человѣкомъ; позднѣе онъ женился на сестрѣ цензора Ржевскаго, и

впослѣдствіи, переселившись въ Рязань, былъ тамъ городскимъ головою.

Офросимовъ былъ хорошо и близко знакомъ съ Гоголемъ, который охотно дѣлился съ нимъ своими еще ненапечатанными произведеніями. Такъ, онъ однимъ изъ первыхъ прочелъ вторую часть «Мертвыхъ душъ» и сообщилъ отрывки изъ рукописи въ домѣ Сушковыхъ.

Я живо помню вечеръ этого чтенія, собравшаго въ сушковскій салонъ весь цвѣтъ московской интеллигенціи.

Первое впечатлѣніе по окончаніи чтенія было не въ пользу капитальной литературной новинки...

Слушатели, очевидно, ждали чего-то большаго, и только глубокое уваженіе къ славному имени автора вызвало тѣ аплодисменты, какими покрылись послѣднія слова прочитаннаго отрывка.

Было ли это до или послѣ смерти Гоголя, я сказать опредѣленно не могу, знаю только, что самъ Офросимовъ получилъ прочитанные имъ отрывки изъ рукъ самого Гоголя.

Далѣе я упомяну о личной моей встрѣчѣ съ Гоголемъ въ домѣ Ржевскаго, теперь же передамъ объ одномъ изъ чтеній Офросимова, носившемъ оригинальный и совершенно интимный характеръ.

Въ числѣ серьезно и всегда мастерски передаваемыхъ имъ рукописныхъ вещей и отрывковъ встрѣчались и разсказы юмористическаго содержанія, всегда почти направленные противъ когонибудь изъ современныхъ великихъ міра, и подобные разсказы Ѳедоръ Сергѣевичъ берегъ обыкновенно для самыхъ интимныхъ собраній.

Насъ, молодежь, это сравнительно мало интересовало. Въ политическіе вопросы мы не вникали, съ административными распоряженіями ничего общаго не имѣли, и тотъ разсказъ Офросимова, о которомъ я сейчасъ поведу рѣчь, потому только живо запечатлѣлся въ моей памяти, что трактовалъ онъ о человѣкѣ, мнѣ близко и хорошо знакомомъ, а именно о двоюродномъ братѣ моего отца, сенаторѣ Казначеевѣ.

Александръ Ивановичъ Казначеевъ, долгое время бывшій одесскимъ градоначальникомъ и снискавшій тамъ, какъ и всюду, куда его заносила судьба, всеобщую любовь и уваженіе, былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Дмитріевнѣ Волконской, небогатой рязанской помѣщицѣ, неимовѣрно гордившейся своимъ княжескимъ титуломъ и ко всѣмъ и ко всему въ мірѣ относившейся свысока.

Варвару Дмитріевну всѣ единодушно ненавидѣли такъ же горячо, какъ горячо любили ея мужа, и въ бытность дяди градоначальникомъ въ Одессѣ не было той сферы одесскаго народонаселенія, среди котораго не раздавались бы горькія и справедливыя нареканія на жену Казначеева, ко всѣмъ своимъ недостаткамъ присоединявшую еще и самое безцеремонное взяточничество. Она вхо-

дила во всѣ дѣла мужа, путалась во всѣ его распоряженія, диктовала его приказы, и ему, въ высшей степени честному и безкорыстному, и въ голову прійти не могло, что онъ часто подписывалъ заранѣе оплаченныя рѣшенія.

Когда Казначеевъ былъ переведенъ сенаторомъ въ Москву, онъ и туда перенесъ съ собою горячую любовь къ его симпатичной особѣ и единодушную ненависть къ особѣ его супруги. Ненависть эта, между прочимъ, вылилась въ особомъ «апостольскомъ посланіи», которое ходило по рукамъ и было въ моемъ присутствіи прочитано Офросимовымъ на одномъ изъ интимныхъ собраній въ домѣ Сушковыхъ.

Полнаго текста этого «посланія» я, конечно, приводить бы не стала, ежели бы даже и запомнила его, но нѣкоторыя его выраженія остались въ моей памяти, главнымъ образомъ благодаря тому мастерскому подражанію церковному чтенію апостольскихъ посланій, съ какимъ передавалъ Офросимовъ эти нѣсколько кощунственныя литературныя буффонады.

Такъ, памятно мнѣ при «чтеніи» о градоправленіи градомъ Одестою выраженіе: «и взимаша нечестивая жена градоправителя мзду велію, и пшеницею, и колесницею, и тканями многоцѣнными»... и въ концѣ, гдѣ рѣчь шла о новомъ назначеніи дяди, «и призваша его въ градъ древній, столицею именуемый, и облече его въ хламиду червленную, и въ судилище посади»... Этими словами, протянутыми на манеръ того, какъ заканчиваетъ дьячокъ чтеніе «апостола», окончилось и это чтеніе, вызвавшее громкій хохотъ всего собравшагося общества.

Замѣчу мимоходомъ, что Казначеевъ, въ бытность свою одесскимъ градоначальникомъ, первый обратилъ вниманіе на исключительный талантъ къ рисованію случайно встрѣченнаго имъ бѣднаго маленькаго мальчика, подарилъ ему ящикъ съ красками и озаботился о дальнѣйшемъ его преуспѣяніи на художественномъ пути. Мальчикъ этотъ былъ не кто иной, какъ знаменитый Айвазовскій, до конца жизни своей сохранившій самое горячее чувство благодарности къ Казначееву и поднесшій ему на память одну изъ первыхъ и лучшихъ картинъ своихъ.

Кромѣ Сушковыхъ, часто собирались представители интеллигенціи,—а тогда ихъ въ Москвѣ было много,—въ домѣ Горскаго, бывшаго ранѣе нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ, въ домѣ его дочери Литвиновой, а также и въ домѣ цензора Ржевскаго, жена котораго, помимо своего исключительнаго ума, была еще и выдающейся музыкантшей. Обладая прекраснымъ голосомъ и необычайнымъ умѣніемъ передавать все ею исполняемое, она еще и сама писала прекрасныя музыкальныя вещи, и многіе изъ ея романсовъ исполняются съ успѣхомъ и въ настоящее время, не-

смотря на то, что со времени ихъ написанія прошло уже болѣе полстолѣтія.

Въ домѣ Ржевскихъ я единственный разъ въ жизни видѣла безсмертнаго автора «Мертвыхъ душъ», въ то время уже угрюмаго, сосредоточеннаго и больного.

Онъ встрѣтился и познакомился съ Ржевскимъ у Погодина, и первый выразилъ желаніе быть у него.

Ржевскій съ признательностью откликнулся на такое лестное и почетное для него желаніе и просилъ назначить день, когда великому писателю угодно будетъ почтить его домъ своимъ присутствіемъ.

Наталья Сергѣевна, узнавъ отъ мужа, кого ей придется принимать у себя, встревожилась, и чѣмъ ближе подходилъ день, назначенный Гоголемъ, тѣмъ сильнѣе она волновалась и робѣла, несмотря на то, что робость была вовсе не въ ея характерѣ.

— Ну, вотъ, такъ и чувствую, что сразу попаду въ «дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ»,—говорила она, приглашая къ себѣ на этотъ вечеръ гостей, выборъ которыхъ на этотъ разъ принялъ на себя самъ Ржевскій, обыкновенно очень мало входившій въ дѣла жены и часто вовсе не выходившій къ гостямъ, ежедневно собиравшимся въ его домѣ.

Гоголь, въ назначенный имъ самимъ вечеръ, пріѣхалъ сравнительно довольно поздно и, привѣтствовавъ всѣхъ молчаливымъ поклономъ, помѣстился въ сторонѣ, въ амбразурѣ окна, замѣтивъ, что въ послѣдніе дни онъ плохо выноситъ большое освѣщеніе.

Говорилъ онъ тихо и какъ-то болѣзненно медленно, и мнѣ въ его выговорѣ почудился малороссійскій акцентъ.

Онъ почти нехотя поддержалъ бесѣду объ условіяхъ современной цензуры, изрѣдка вставляя свое слово въ общій потокъ быстро разгорѣвшагося спора...

Еще неохотнѣе отвѣтилъ онъ на нѣсколько лично къ нему обращенныхъ вопросовъ и оживился только тогда, когда Наталья Сергѣевна, по его настоятельному желанію занявшая мѣсто у рояля, запѣла какую-то малороссійскую пѣсню...

Онъ спросилъ у нея, была ли она въ Малороссіи, замѣтилъ, что для того, чтобы понять настоящій характеръ малороссійской музыки, надобно ее слышать на мѣстѣ, и, узнавъ, что Наталья Сергѣевна сама пишетъ романсы, и прослушавъ ея музыку на слова Кольцова: «Такъ и рвется душа», обѣщалъ прислать ей для переложенія на музыку стихотвореніе, недавно доставленное ему въ рукописи и очень ему понравившееся.

Не знаю, исполнилъ ли онъ это свое обѣщаніе, но самое предложеніе уже было въ высшей степени лестно и для пѣвицы и для

самого Ржевскаго, съ несвойственнымъ ему усердіемъ ухаживавшаго за своимъ почетнымъ гостемъ.

Уѣхалъ Гоголь довольно рано, наотрѣзъ отказавшись отъ ужина и опять привѣтствовавъ, какъ и раньше, всѣхъ присутствовавшихъ однимъ общимъ поклономъ.

Впечатлѣніе, оставленное имъ въ присутствовавшихъ, въ общемъ было похоже на разочарованіе. Ничего крупнаго, ничего выдающагося изъ обычной среды... Что-то холодно тусклое и какъ бы отживающее...

— Воля ваша, да онъ прямо помѣшанный какой-то!—первый воскликнулъ, послѣ отъѣзда великаго писателя, постоянный посѣтитель дома Ржевскихъ, Павелъ Михайловичъ Хрущевъ, отличавшійся смѣлымъ выраженіемъ своихъ, не всегда разумныхъ, сужденій.

Ржевскій бросилъ въ его сторону взглядъ глубокаго, недоумѣвающаго удивленія...

— Ну, вотъ!—воскликнула Наталья Сергѣевна, болѣе откровенная, нежели мужъ.—Говорила я, чтобы Хрущева вычеркнуть изъ списка приглашенныхъ!.. Не права я была?..

— Да... Мнѣніе по меньшей мѣрѣ рискованное!.. замѣтилъ, пожимая плечами, Офросимовъ.

— Которое я, къ стыду своему, вполнѣ раздѣляю!—шепнула мнѣ по-французски сидѣвшая подлѣ меня Кити Тютчева, все время не спускавшая глазъ съ Гоголя, всѣ произведенія котораго она перечитала отъ доски до доски, несмотря на то, что еще не особенно хорошо усвоила себѣ русскій языкъ.

Позднѣе Ржевскій передавалъ, что Гоголь, при новой встрѣчѣ съ нимъ, выразилъ желаніе вновь посѣтить его, но при условіи, что никого незнакомаго ему въ этотъ вечеръ не будетъ.

Сколько мнѣ извѣстно, обѣщаніе это не было исполнено великимъ писателемъ, и больше въ домѣ Ржевскихъ онъ не былъ.

Ежели я не ошибаюсь, то все это происходило менѣе чѣмъ за годъ до его смерти.

У Ржевскихъ я встрѣчала и поэта Щербину, переводныя классическія стихотворенія котораго мнѣ въ то время были не особенно понятны, но который поразилъ меня глубиной своего стихотворенія «Тишина», впервые прочитаннаго имъ Натальѣ Сергѣевнѣ, которая съ восхищеніемъ собрала всѣхъ бывшихъ у нея въ то время гостей, по обыкновенію разсыпавшихся по всему дому, для того, чтобы заставить насъ прослушать это небольшее по размѣру, но чрезвычайно глубокое по смыслу стихотвореніе.

Щербина прекрасно читалъ стихи и въ этотъ день онъ былъ особенно въ ударѣ, хотя... и не совсѣмъ трезвъ. Несчастная слабость, загубившая на Руси столько крупныхъ, выдающихся талан-

товъ, была присуща и Щербинѣ, и мнѣ, часто встрѣчая его у Ржевскихъ, далеко не всегда приходилось видѣть его совершенно трезвымъ.

Слабость свою поэтъ глубоко сознавалъ, самъ иногда горько шутилъ надъ ней, но продолжалъ увлекаться этимъ «источникомъ забвенія», какъ онъ звалъ вино...

Это было время его крупнаго романа. героиню котораго мы всѣ видали и знали, хотя не въ силахъ были понять ни такого выбора, ни такого увлеченія...

Въ ту зиму, о которой идетъ рѣчь, Щербина, особенно удрученный своей несчастной страстью, избѣгалъ многолюднаго общества, и появлялся въ близкомъ ему домѣ Ржевскихъ только въ тѣ часы, когда могъ разсчитывалъ застать всего меньше чужого народа. Это были часы между обѣдомъ и театромъ, то, что французы называютъ «entre chien et loup», что заставило Наталью Сергѣевну прозвать его «поэтомъ сумерекъ».

Щербина, сколько я его помню, былъ средняго роста худощавый брюнетъ съ очень умнымъ лицомъ и жгучими черными глазами... Когда онъ бывалъ «въ ударѣ», онъ былъ очень милый и живой собесѣдникъ, когда же на него нападала хандра, онъ способенъ былъ сообщить всѣмъ свое грустное настроеніе, такъ онъ всецѣло ему отдавался и такъ мало его скрывалъ.

Нѣкоторое время Щербина совершенно пересталъ бывать у Ржевскихъ, столкнувшись съ самимъ Дмитріемъ Семеновичемъ, какъ съ цензоромъ, по поводу стихотворенія, сданнаго имъ въ «Москвитянинъ», которое Ржевскій наотрѣзъ зачеркнулъ. Щербина нашелъ такой литературный остракизмъ несправедливою придиркой, но впослѣдствіи согласился съ нимъ и возобновилъ свои частые визиты въ гостепріимный домъ строгаго цензора.

По поводу цензурныхъ запрещеній мнѣ припоминается забавный случай, бывшій на моихъ глазахъ.

Всегда занимавшійся у себя въ кабинетѣ, расположенномъ въ концѣ большой квартиры, которую занимали Ржевскіе близъ Сухаревой башни, въ домѣ Дружинина, Дмитрій Семеновичъ выходилъ въ общую гостиную или въ столовую не раньше, какъ отправивъ въ редакцію «Москвитянина» или въ одну изъ типографій всѣ присланныя ему на тотъ день для просмотра рукописи.

Однажды, уже позднимъ вечеромъ, когда всѣ мы, съѣхавшись изъ театра, пили чай въ большомъ залѣ, Дмитрій Семеновичъ, выйдя изъ своей «берлоги», какъ называла Наталья Сергѣевна кабинетъ мужа, сообщилъ намъ, что онъ только что отправилъ въ типографію для «Москвитянина» очень живое и миленькое стихотвореніе, написанное на мотивъ современнаго увлеченія благотворительными балами и концертами, и выразилъ сожалѣніе, что мы собрались

поздно и онъ не могъ прочесть намъ эту миленькую вещицу въ рукописи.

— Да ничего, въ «Москвитянинѣ» прочтете!..—добавилъ онъ.— Книга выходитъ послѣзавтра, и мнѣ прислано было стихотвореніе съ просьбой немедленнаго прочтенія, для того, чтобы оно могло войти въ книгу, уже сданную въ брошюровку.

Во время этого разговора подъѣхало изъ большого концерта въ Благородномъ собраніи еще нѣсколько человѣкъ гостей, и въ томъ числѣ князь Александръ Алексѣевичъ Волконскій, отставной лейбъ-гусаръ, только что проигравшій въ Петербургѣ все свое крупное состояніе и блиставшій въ ту минуту въ Москвѣ, гдѣ онъ быстро сдѣлался законодателемъ моды...

Разговоръ зашелъ о концертѣ, объ исполнителяхъ, и такъ какъ цѣль концерта была благотворительная, то естественнымъ образомъ и о модѣ на это мнимое «благотвореніе», подъ фирмой котораго скрывалось желаніе блеснуть своимъ талантомъ и прежде всего своими туалетами.

Князь Волконскій съ улыбкой сообщилъ, что по городу ходитъ очень смѣлое и очень остроумное стихотвореніе, написанное на дѣтей великой княгини Марьи Николаевны, незадолго передъ тѣмъ участвовавшихъ въ Петербургѣ въ какомъ-то великосвѣтскомъ празднествѣ, устроенномъ въ пользу бѣдныхъ.

На просьбу припомнить это стихотвореніе Волконскій, обладавшій замѣчательнымъ сценическимъ талантомъ и очень любившій проявлять этотъ талантъ, вынулъ изъ кармана сложенный листокъ почтовой бумаги и, оглянувшись во всѣ стороны, какъ бы прося не выдавать его, началъ чтеніе очень остроумнаго и забавнаго стихотворенія, тонко осмѣивавшаго благотворительныхъ «плясуновъ».

Ржевскій слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ и съ возрастающимъ удивленіемъ, и когда онъ дошелъ до словъ:

«Плясала Машенька качучу,
«Кривлялся маленькій Коко...

Ржевскій внезапно вскочилъ съ мѣста и почти крикнулъ:

— Это... на кого... вы говорите написано?!..

— На Марью Николаевну съ ея дѣтьми!..—спокойно отвѣтилъ Волконскій.

— И вы... въ этомъ... увѣрены?..

— Да какъ же не увѣренъ. Стихотвореніе только что привезено изъ Петербурга и ходитъ по рукамъ.

Ржевскій схватился за голову.

— Что съ тобой, Митя?—удивилась Наталья Сергѣевна.

— А то, что я только что пропустилъ эту «милую бездѣлушку» для ближайшей книги «Москвитянина», снабдивъ ее моей разрѣшительной подписью.

Случай былъ такъ забавенъ, что, несмотря на трагизмъ положенія, многіе не могли удержаться отъ невольной улыбки.

— И какъ это Погодину въ голову входитъ присылать въ цензуру такія глупости?—тономъ глубокаго негодованія воскликнулъ Ржевскій, забывая, что ему самому только что «вошло въ голову» разрѣшить эту «глупость» въ печати.

Немедленно, несмотря на поздній часъ, Ржевскій отправился къ Погодину, ночью же былъ возвращенъ и уничтоженъ бѣдовый экземпляръ, а главное—уничтожена была разрѣшавшая его подпись.

У Ржевскихъ мнѣ пришлось познакомиться съ Николаемъ Васильевичемъ Бергомъ, въ то время уже служившимъ въ Варшавѣ, но сохранившимъ тѣсныя связи съ Москвой и въ особенности съ семьею Ржевскихъ, съ которой связывало его жгучее воспоминаніе юнаго, давно оконченнаго, но не забытаго романа, героиней котораго была сестра Ржевскаго, впослѣдствіи Офросимова.

Бергъ былъ обаятельно милый, всегда веселый и оживленный собесѣдникъ, вносившій съ собою такой жизнерадостный лучъ, что появленіе его всегда было праздникомъ для всѣхъ.

Старшая сестра Ржевскаго была замужемъ за рязанскимъ помѣщикомъ Залетовымъ, большимъ оригиналомъ, считавшимъ въ близкомъ родствѣ своемъ нѣсколько не менѣе его оригинальныхъ людей.

Особымъ чудачествомъ отличался одинъ изъ его родныхъ братьевъ, Павелъ Евграфовичъ Залетовъ, честнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, но съ совершенно обезьяньимъ лицомъ и необычайными претензіями на красоту.. Онъ очень легко увлекался, всегда былъ увѣренъ въ томъ, что и имъ всѣ увлекаются, и, питая неимовѣрную любовь къ танцамъ, носился. какъ буря, по заламъ всѣхъ тѣхъ домовъ и собраній, куда попадалъ на балъ. Свою безобразную наружность Павелъ Евграфовичъ еще сильнѣе безобразилъ длиннѣйшими усами, которые, на манеръ флаговъ, развѣвались вокругъ его головы во время его порывистыхъ танцевъ.

Бергъ, очень любившій Залетова, что не мѣшало ему всегда самымъ безбожнымъ образомъ надъ нимъ смѣяться,—посвятилъ ему послѣ одного изъ баловъ, въ теченіе котораго онъ наблюдалъ за его эксцентричными танцами, стихотвореніе, озаглавленное «Туркѣ», обычное имя Залетова въ средѣ очень его любившей, но всегда смѣявшейся надъ нимъ молодежи.

Всего стихотворенія не припомню, но начиналось оно слѣдующимъ воззваніемъ:

Павлюкъ Евграфычъ Ягассы,
Извѣстный подъ названіемъ «Турки»,

Чьи трехбунчужные усы
Запутались въ кудряхъ косы
Одной волшебницы красы
Во время польки иль мазурки!..

Залетовъ былъ очень доволенъ посланіемъ и долго съ нимъ носился, называя Берга «милымъ проказникомъ».

Въ другой разъ, случайно попавъ въ Москву, Бергъ былъ на перепутьи перехваченъ группой студентовъ, устраивавшихъ утренній концертъ въ пользу недостаточныхъ товарищей и неотступно просившихъ Берга прочесть что-нибудь.

Бергъ согласился, но когда на слѣдующее утро пришлось одѣваться, чтобы ѣхать на концертъ, то въ гардеробѣ, захваченномъ съ собой поэтомъ, оказался дефектъ. Недоставало бѣлаго жилета, безъ котораго былъ не полонъ костюмъ, принятый для появленія на эстрадѣ. День былъ праздничный, магазины были заперты, да и гдѣ сразу найдешь жилетъ, который пришелся бы впору?.. И вотъ Бергъ вспоминаетъ о «Павлюкѣ», всегда готовомъ оказать всякую услугу, и посылаетъ къ нему письмо въ стихахъ, начинающееся словами:

Я пришелъ къ тебѣ съ разсвѣтомъ,
Ты снабди меня жилетомъ!..

Жилетъ былъ тотчасъ посланъ, и по окончаніи концерта возвращенъ Залетову съ новой импровизаціей, начинающейся словами:

О трехбунчужный властелинъ,
Другъ бѣднаго поэта...
Въ Москвѣ лишь понялъ ты одинъ
Всѣ тайны туалета...

Затѣмъ слѣдовало поэтическое выраженіе благодарности за оказанную услугу, и въ концѣ, въ видѣ воззванія, стояло:

Внимай всегда мольбѣ поэтовъ,
Объятья дружбы имъ открой,
И... сохрани въ своихъ жилетахъ
Ты тотъ же щегольской покрой...

Въ каждый изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву Бергъ обязательно посѣщалъ домъ Ржевскихъ, и каждый изъ его визитовъ былъ истиннымъ праздникомъ для всѣхъ. Невозможно было встрѣтить человѣка, болѣе одареннаго способностью оживить общество, нежели Н. В. Бергъ. Онъ всегда носилъ съ собой какъ бы струю веселья и радости, и никто никогда не видалъ его не только грустнымъ или сердитымъ, но даже слегка задумчивымъ. Тѣ неизбѣжныя въ людской жизни невзгоды, безъ которыхъ не обходится, конечно, ничье въ мірѣ существованіе, Бергъ умѣлъ скрывать или беречь

про себя, зная, что чужое горе никому не близко и ни для кого не интересно. Единственной слабостью Берга было его преклоненіе передъ знатностью и крупными именами, заставлявшее его часто поступаться нѣкоторыми изъ своихъ убѣжденій и дѣлать уступки, не всегда согласныя съ тѣмъ чувствомъ собственнаго достоинства, которое лежало въ основѣ его характера. Деньгамъ онъ большого значенія не придавалъ, но передъ крупными чинами и большимъ положеніемъ преклонялся и скромно стушевывался, чтобы дать имъ дорогу. Въ этомъ отношеніи онъ сильно уступалъ большинству литераторовъ того времени, которыхъ можно было упрекнуть въ чемъ угодно, но никакъ не въ излишней уступчивости и не въ чинопоклоненіи. Впрочемъ, среди современныхъ ему литераторовъ Бергъ, сколько я могла тогда судить, особенно серьезнаго мѣста и не занималъ. Его не чуждались въ литературныхъ кружкахъ, цѣня въ немъ главнымъ образомъ его неустанную жизнерадостность и ровность его характера, но особенно горячо навстрѣчу къ нему не шли и особо почетнаго мѣста ему въ средѣ своей не отводили.

Погодина въ то время я встрѣчала только два или три раза. Это былъ очень серьезный человѣкъ. Мнѣ ни разу не удалось увидать улыбки на его вдумчивомъ и сосредоточенномъ лицѣ, и вслѣдствіе этого онъ всегда и производилъ на меня какое-то удручающее впечатлѣніе, несмотря на то, что ко мнѣ лично онъ съ первой встрѣчи отнесся особенно ласково и внимательно, благодаря его старинной близости съ моими тетками.

Отъ одной изъ нихъ я узнала впослѣдствіи исторію этой близости.

Двѣ изъ моихъ тетокъ были особенно дружны съ богатой рязанской помѣщицей Левашовой, по первому мужу княгиней Голицыной, у которой проживалъ домашнимъ учителемъ М. П. Погодинъ, тогда еще молодой человѣкъ. Въ ея же домѣ проживала въ качествѣ гувернантки при ея дочери, княжнѣ Натальѣ Григорьевнѣ, молодая дѣвушка, по фамиліи, ежели не ошибаюсь, Миллеръ. Молодую дѣвушку горячо любили всѣ, кто ее зналъ, и А. Н. Левашова сама устроила бракъ между Погодинымъ и симпатичной молодой Миллеръ.

Овдовѣвъ сравнительно еще молодымъ человѣкомъ, Погодинъ вторично женился, но во второмъ бракѣ не нашелъ уже того полнаго счастія, какимъ подарила его первая жена. О ней онъ сохранилъ на всю остальную жизнь свою самое горячее и благодарное воспоминаніе, и отсюда тотъ дружескій привѣтъ, съ какимъ встрѣтилъ меня, молодую дѣвочку, этотъ серьезный ученый, которому мое имя напомнило свѣтлую страницу его прошлой жизни.

Вторая жена Погодина была женщина сварливая и ревнивая до того, что даже къ памяти первой жены ревновала мужа. Объ

ней мнѣ много пришлось слышать отъ ея пасынка, сына Погодина отъ перваго брака, въ бытность его редакторомъ газеты «Жизнь», основанной въ Москвѣ Ѳ. Н. Плевако, вослѣдствіи перешедшей къ В. Н. Бестужеву, окончившаго жизнь въ должности смотрителя сахалинской тюрьмы, куда онъ перешелъ изъ урядниковъ въ Европейской Россіи.

Что могло быть общаго между обязанностями полицейскаго урядника и редактора-издателя безцензурнаго политическаго журнала... и какимъ образомъ прямо изъ-за редакторскаго стола возможно было перейти къ должности сахалинскаго смотрителя,— эту мудрую задачу пусть рѣшитъ главное управленіе по дѣламъ печати!.. Я могу только констатировать всѣмъ извѣстный и всѣми провѣренный фактъ.

Погодинскій «Москвитянинъ» читался въ то время довольно усердно, не столько въ силу его литературнаго достоинства, сколько въ силу того, что журналовъ въ то время было очень ужъ мало.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ числѣ «литераторовъ» пришлось мнѣ встрѣтить въ одномъ изъ зажиточныхъ и очень образованныхъ петербургскихъ домовъ гремѣвшаго въ то время откупщика и милліонера Кокорева, нажившаго громадное состояніе винными откупами и продебютировавшаго въ качествѣ «литератора» своей смѣлой статьею «Милліардъ въ туманѣ».

Ни достоинствъ, ни недостатковъ этой статьи я въ то время оцѣнить не могла. Въ модѣ было признавать Кокорева за генія,— и всѣ его такимъ признавали, не считаясь ни съ подлинностью его заслугъ, ни съ собственнымъ независимымъ мнѣніемъ.

Оригинальничалъ Кокоревъ всегда и во всемъ, и мнѣ хорошо памятна та выдающаяся иллюминація, которую онъ устроилъ въ день Александра Невскаго передъ своимъ громаднымъ домомъ на углу Невскаго и Литейной.

Въ тѣ далекія времена царскіе дни праздновались съ выдающеюся торжественностью, и по вечерамъ по залитымъ огнями улицамъ шагомъ подвигались ряды экипажей, переполненныхъ обывателями, спѣшившими полюбоваться на богатую и прихотливую иллюминацію столицы. Особенно красиво всегда были иллюминованы два или три магазина на Большой Морской, впервые щегольнувшіе брильянтовыми вензелями. Но даже и эта сравнительно новая и блестящая иллюминація показалась Кокореву недостаточно богатой, и главное недостаточно оригинальной, и онъ порѣшилъ блеснуть новинкой, въ Петербургѣ еще невиданной. Онъ выстроилъ на самомъ углу Невскаго подобіе огненной русской избы съ изображеніемъ въ дверяхъ ея хозяина-крестьянина, съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ.

Передъ этимъ оригинальнымъ украшеніемъ останавливались всѣ пѣшеходы и всѣ экипажи, и, увѣдомленный объ этой новинкѣ,

проѣхалъ по Невскому и самъ государь, встрѣченный восторженными кликами народа. Онъ остановился передъ домомъ Кокорева, и хозяинъ, вѣроятно, заблаговременно предупрежденный о возможности такого высочайшаго вниманія, въ дѣйствительности вышелъ на порогъ своей оригинальной огненной постройки съ хлѣбомъ-солью на роскошномъ и дорогомъ блюдѣ. Въ то далекое время всѣ эти овацiи и подношенія были возможны, безъ предварительной цензуры и официальнаго разрѣшенія... Государь среди народа былъ добрымъ и горячо любимымъ семьяниномъ среди преданной ему семьи... Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось... но вспоминать о прошломъ никому не возбраняется...

А. И. Соколова.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ*).

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА[1].

Семейная драма въ семьѣ Энгельгардтъ.—Жандармскій полковникъ Станкевичъ.—Обыскъ въ книжномъ магазинѣ Вольфа.—Свадьба молодого Станкевича.—Живой покойникъ.—Третье Отдѣленіе.—А. Е. Тимашевъ и «Колоколъ».—Семья Адлерберговъ.—Графиня Баранова.—Лекція о «правѣ» у Цѣпного моста.—Взглядъ императора Николая Павловича на доносы и доносчиковъ.—Легенда о креслѣ Третьяго Отдѣленія.—Путешествіе императора Николая I по Россіи.—Оригинальное привѣтствіе сельскаго священника.

ЗАГОВОРИВЪ о домѣ Кокорева, не могу пройти молчаніемъ одну изъ интересныхъ житейскихъ встрѣчъ своихъ, а именно встрѣчи съ Анной Романовной Энгельгардтъ, урожденной Херасковой, дочери которой, Полина и Александра Ѳедоровны, были моими сверстницами и подругами, по времени выѣзда въ свѣтъ.

Я узнала m-me Энгельгардтъ уже послѣ горькой семейной драмы, пережитой ею и переданной мнѣ гораздо позднѣе моей теткой.

Когда я ее узнала, это была уже очень немолодая, но полная жизни женщина, никогда не снимавшая траура, который надѣла она въ тотъ день, когда потеряла мужа, физически не умершаго, но нравственно навсегда утраченнаго для нея, и о существованіи котораго она не хотѣла ни знать, ни вспоминать. У m-me Энгельгардтъ, вышедшей замужъ по страстной любви, было четыре дочери, изъ которыхъ старшая, вышедшая впослѣдствіи замужъ за графа Девьера была съ дѣтства особенно горячо предана матери.

---

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXIII, стр. 97.

Второй дочери было 14 лѣтъ, а двѣ остальныя и самый меньшой изъ всѣхъ дѣтей, сынъ Валентинъ, были еще совсѣмъ маленькими, когда вслѣдствіе несчастной случайности до свѣдѣнія Анны Романовны дошло роковое извѣстіе о преступной связи между ея мужемъ и второй ея дочерью, которой только что исполнилось 14 лѣтъ.

Вѣсть эта какъ громомъ сразила несчастную женщину, безумно любившую мужа, обожавшую дѣтей и благоговѣйно охранявшую чистоту и святость домашняго очага. Она подробно разспросила обо всемъ дочь, пришла къ убѣжденію, что та дѣйствовала почти безсознательно, подъ давленіемъ враждебной нравственной силы, и, не желая щадить ни себя, ни лицъ, разбившихъ ея жизнь, сама передала все это горькое и позорное дѣло въ руки жандармской полиціи, въ то время вѣдавшей всѣ тайныя и секретныя дѣла, не исключая и самыхъ сокровенныхъ дѣлъ семейныхъ...

О вопіющемъ дѣлѣ въ семьѣ Энгельгардтъ немедленно доложено было императору Николаю Павловичу,—происходило это въ послѣдніе годы его царствованія,—и онъ, глубоко возмущенный поступкомъ дворянина, раньше носившаго гвардейскій мундиръ, приказалъ нарядить особое слѣдствіе и постоянно докладывать ему о ходѣ дѣла.

Анна Романовна въ это время находилась въ деревнѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нею были и всѣ дѣти, не исключая и второй дочери, Анны, которую мать, однако, не желала видѣть, и которая жила съ гувернанткой отдѣльно, во флигелѣ, не сообщаясь ни съ сестрами, ни съ маленькимъ братомъ и никогда не встрѣчаясь съ матерью.

Слѣдствіе по этому прискорбному дѣлу поручено было жандармскому полковнику Станкевичу, который и прибылъ въ имѣніе м-me Энгельгардтъ, съ момента обнаруженія этого горькаго дѣла не покидавшей своей комнаты и почти не видавшей дѣтей даже.

Домъ въ имѣніи былъ громадный, и для допроса и слѣдствія отведена была въ нижнемъ этажѣ большая зала, стѣны которой, по распоряженію Анны Романовны, обтянуты были чернымъ сукномъ, съ большимъ мрачнымъ судейскимъ столомъ по срединѣ.

Самъ Энгельгардтъ, по просьбѣ жены, былъ допрошенъ въ Петербургѣ, такъ какъ она не могла примириться съ мыслью о томъ, чтобы онъ переступилъ вновь порогъ ея дома.

Не знаю, какъ караются въ настоящее время преступленія подобнаго рода, но въ былыя времена они были неслыханно рѣдки и, вѣроятно, карались безпощаднымъ образомъ, потому что, по произнесеніи приговора надъ обвиненнымъ Энгельгардтомъ, онъ, по усиленному ходатайству двоюродной сестры своей, свѣтлѣйшей княгини Салтыковой, былъ признанъ умершимъ и, совершенно вычеркнутый изъ списка живыхъ людей, безъ паспорта проживалъ въ домѣ Салтыковыхъ.

Комната, въ которой происходилъ допросъ, такъ и осталась навсегда въ своемъ траурномъ убранствѣ, точно такъ же какъ и сама м-me Энгельгардтъ никогда уже съ тѣхъ поръ не сняла разъ надѣтый трауръ.

Со Станкевичемъ м-me Энгельгардтъ оставалась знакома до слѣдующаго характернаго эпизода.

Она много читала, очень много покупала всевозможныхъ книгъ и такъ какъ всѣ свои покупки дѣлала исключительно чрезъ посредство магазина Вольфа, то, само собой разумѣется, она пользовалась тамъ и широкимъ кредитомъ, и самымъ полнымъ довѣріемъ.

Какъ и всѣ крупные книготорговцы, Вольфъ имѣлъ возможность получать всѣ безъ исключенія заграничныя изданія, какимъ бы широкимъ вето они ни были поражены у насъ въ Россіи. Всѣ особенно интересныя книги, какъ политическаго, такъ и общелитературнаго характера, немедленно давались для прочтенія Аннѣ Романовнѣ, которая, бережно пробѣжавъ ихъ, тотчасъ же возвращала ихъ Вольфу. Однажды, когда полученъ былъ одинъ изъ интересныхъ и строго воспрещенныхъ въ Россіи романовъ, Станкевичъ, заѣхавшій вечеромъ къ м-me Энгельгардтъ, засталъ ее за чтеніемъ этой литературной новинки и очень ею заинтересовался.

— Откуда это у васъ?—полюбопытствовалъ онъ.

Она сказала.

— Ахъ, какъ это интересно!.. Вы не можете мнѣ дать это пробѣжать?..

Она отвѣтила, что сама взяла эту новинку только на нѣсколько часовъ, но на его усердную просьбу согласилась уступить ему книгу на ночь, съ тѣмъ, что онъ ее пробѣжитъ и рано утромъ вернетъ ей.

Станкевичъ уѣхалъ, захвативъ книгу съ собой, а на другой день рано утромъ м-me Энгельгардтъ была разбужена горничной, сказавшей ей, что ее спрашиваютъ по экстренному дѣлу. Она наскоро одѣлась и, непривычная къ тому, чтобы ее будили раньше, нежели она сама проснется, приказала ввести къ ней досаднаго ранняго посѣтителя. Къ ея крайнему удивленію, вошелъ старшій приказчикъ Вольфа, сильно разстроенный и перепуганный, и въ сбивчивыхъ словахъ передалъ ей, что у нихъ раннимъ утромъ произведенъ былъ обыскъ, конфисковано нѣсколько запрещенныхъ изданій, и магазинъ запечатанъ.

Обыски въ то время были большой рѣдкостью и угрожали очень серьезными послѣдствіями. Это было время всемогущаго Третьяго Отдѣленія, безъ распоряженія котораго ни одинъ обыскъ не могъ имѣть мѣста.

— Что же такое случилось?—съ участіемъ освѣдомилась Анна Романовна, понимая обращеніе къ ней старой и знакомой фирмы,

какъ выраженіе увѣренности въ ея добромъ участіи и надежды на ея многочисленныя связи и знакомства.

Каково же было ея удивленіе и ужасъ, когда она узнала, что обыскъ у Вольфа произведенъ былъ по ея винѣ, и что не кто иной, какъ самъ полковникъ Станкевичъ, явился въ магазинъ съ запрещенной книгой, наканунѣ утромъ взятой ею изъ магазина, и на основаніи этого произвелъ обыскъ, очень значительную выемку книгъ и опечаталъ магазинъ. Она въ первую минуту прямо оцѣпенѣла отъ ужаса...

Придя въ себя, она моментально одѣлась, вмѣстѣ съ приказчикомъ поѣхала къ главѣ торговой фирмы и послѣ короткаго объясненія прямо проѣхала къ Станкевичу.

Увидавъ ее у себя, Станкевичъ растерялся и началъ ее успокаивать, но, услыхавъ отъ нея смѣлое и безцеремонное порицаніе своихъ распоряженій и твердое и непреложное завѣреніе, что ежели магазинъ Вольфа не будетъ тотчасъ же распечатанъ и все это горькое и позорное для нея дѣло не будетъ замято, то она добьется личной аудіенціи у государя императора и черезъ него потребуетъ отчета въ этомъ оскорбленіи, которое нанесено ея честному имени и ея честному дому привлеченіемъ ея къ позорному дѣлу доноса и сыска.

Станкевичъ зналъ силу и твердость ея характера, зналъ, что напрасныхъ словъ она говорить не станетъ, и изловчился въ тотъ же день замять всю эту бурю въ стаканѣ воды, выслушавъ отъ м-me Энгельгардтъ одинъ разъ навсегда рѣшительную просьбу никогда не переступать порога ея дома.

Просьбу эту онъ исполнилъ волей-неволей, но въ домѣ м-me Энгельгардтъ продолжалъ бывать сынъ его Сергѣй, сначала въ кадетскомъ мундирѣ, а затѣмъ въ мундирѣ желтаго кирасира, и незамѣтно для нея возникъ и развился романъ между ея третьей дочерью, Полиной, и молодымъ Станкевичемъ.

Двѣ старшія дочери были уже замужемъ. Самая старшая за графомъ Девьеромъ, а вторая, виновница несчастья матери, за экономомъ или смотрителемъ Смольнаго монастыря, Ганеманомъ. Послѣдняя почти никогда не бывала въ домѣ матери, но съ сестрами поддерживала, хотя и не близкое, общеніе.

Графиня Девьеръ первая взяла на себя довести до свѣдѣнія матери о предложеніи, сдѣланномъ сестрѣ молодымъ Станкевичемъ, и о согласіи самой Полины на этотъ бракъ. М-me Энгельгардтъ сначала и слышать не хотѣла объ этой свадьбѣ, но, тронутая мольбами и слезами молодыхъ людей, согласилась, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы самъ Станкевичъ не былъ ни на обрученіи, ни на самой свадьбѣ.

— Ежели онъ войдетъ, я сама немедленно выйду и не буду присутствовать ни при благословеніи, ни на свадьбѣ!—объявила она

своимъ твердымъ и властнымъ голосомъ, и дочь, зная непоколебимость ея рѣшеній, упросила жениха уговорить отца покориться этому оскорбительному рѣшенію.

Да Станкевичъ и самъ, вѣроятно, не сталъ бы спорить съ своимъ рѣшительнымъ и непримиримымъ врагомъ. Онъ зналъ, что властная женщина ему никогда не уступитъ.

Но была еще всѣми забытая злая воля, которая не дремала, и съ которой также необходимо приходилось считаться. Это была воля заживо умершаго Энгельгардта, никогда ничѣмъ ни напоминавшаго о себѣ отринувшей его семьѣ, но сохранившаго въ своей озлобленной душѣ непримиримую ненависть и къ обличившей его женѣ, и къ судившему его жандарму.

Узнавъ въ домѣ кузины своей Салтыковой, гдѣ онъ продолжалъ неизмѣнно проживать, о предстоящей свадьбѣ дочери, Энгельгардтъ смѣло отправился къ исполнявшему въ то время обязанности начальника штаба корпуса жандармовъ А. Е. Тимашеву, впослѣдствіи такъ неудачно возведенному на постъ министра внутреннихъ дѣлъ,—и прямо и открыто заявилъ ему, что онъ родительской властью своей возстаетъ противъ брака своей дочери съ сыномъ полковника Станкевича, въ то время бывшаго уже въ отставкѣ и вслѣдствіе предупрежденія сына временно уѣхавшаго изъ Петербурга.

Это было начало царствованія императора Александра II, обновленіе Россіи только далекой зарею вставало еще на горизонтѣ, и вмѣстѣ съ отживавшими и устарѣвшими традиціями живы были еще и свѣтлыя стороны былого.

Родительская власть почиталась еще настоящей, дѣйствительной и смѣло дѣйствующей властью.

Исторія Энгельгардта, надъ которой пронеслось уже нѣсколько лѣтъ, Тимашеву была совершенно незнакома, и онъ, съ полнымъ вниманіемъ выслушавъ недовольнаго и глубоко возмущеннаго старца, порѣшилъ, съ тою легкостью, которая впослѣдствіи сопровождала всѣ его рѣшенія, вызвать къ себѣ отставного полковника Станкевича, а за его отсутствіемъ—Анну Романовну Энгельгардтъ.

Послѣднюю вызовъ этотъ не на шутку удивилъ, но она покорилась и въ назначенный день и часъ явилась предъ свѣтлыя очи Тимашева.

Онъ сообщилъ ей о причинѣ сдѣланнаго вызова и подробно ознакомилъ ее съ прошеніемъ, поданнымъ по этому поводу ея мужемъ. Она спокойно выслушала его и отвѣчала, что во всемъ этомъ, очевидно, кроется какое-то крупное недоразумѣніе, потому что она вдова и замогильныхъ требованій умершаго супруга своего исполнять не обязана.

Наступилъ чередъ Тимашева удивиться.

М-ше Энгельгардтъ, не входя ни въ какія подробности, предложила Тимашеву на слѣдующій день доставить ему всѣ бумаги, подтверждающія смерть ея мужа и ея вдовство, что и исполнила дѣйствительно, на другой день представивъ генералу свидѣтельство, выданное ей изъ дворянскаго собранія, о томъ, что мужъ ея умеръ, а равно и свидѣтельство о его погребеніи, доставленное ей изъ какой-то глухой деревенской церкви.

Все это было строго оформлено и выдано, какъ оказалось, по высочайшему повелѣнію, такъ какъ мнимая смерть Энгельгардта одна могла спасти его отъ страшныхъ послѣдствій совершеннаго имъ преступленія.

Тимашевъ пробѣжалъ бумаги, пожалъ плечами и, извинившись передъ м-ше Энгельгардтъ за причиненное ей безпокойство, сказалъ, что къ свадьбѣ ея дочери не представляется никакой преграды.

Тѣмъ временемъ самъ Энгельгардтъ вторично явился къ Тимашеву, чтобы узнать о результатѣ поданнаго имъ прошенія.

Тимашевъ въ моментъ этого вторичнаго визита, очевидно, былъ въ курсѣ дѣла, потому что встрѣтилъ Энгельгардта очень холодно и, освѣдомившись, что ему угодно, строго и внушительно замѣтилъ ему, что человѣкъ, именемъ котораго онъ такъ упорно себя называетъ, давно умеръ, что ему извѣстно даже, гдѣ именно онъ погребенъ, и, не желая дознаваться, съ кѣмъ именно онъ имѣетъ дѣло, онъ проситъ болѣе его подобными дѣлами не безпокоить.

Взбѣшенный Энгельгардтъ понялъ, что борьба неравна, и, не желая тѣмъ не менѣе уступать женѣ, въ анонимномъ письмѣ пригрозилъ ей скандаломъ въ самый день свадьбы, вслѣдствіе чего приглашенія на свадьбу, какъ въ церковь конюшеннаго вѣдомства близъ Пѣвческаго моста, гдѣ имѣло мѣсто вѣнчаніе, такъ и на слѣдовавшій затѣмъ балъ и ужинъ, состоялись по билетамъ, съ предвареніемъ, что лица, не предъявившія билетовъ, въ церковь допущены не будутъ,

Церемонія свадьбы и парадный ужинъ не были ничѣмъ нарушены, но сама Анна Романовна въ этотъ день изъ дома не выходила, потому что въ толпѣ, съ начала вечера стоявшей передъ домомъ, гдѣ ожидалась богатая свадьба, видѣли Энгельгардта, что было удостовѣрено и его меньшой дочерью Александрой Ѳедоровной, хорошо его различившей среди многочисленной толпы въ ту минуту, когда невѣста садилась въ карету, чтобы ѣхать къ вѣнцу.

Этотъ семейный эпизодъ, за полную достовѣрность котораго я ручаюсь, интересенъ тѣмъ, что онъ ярко рисуетъ нравы и обычаи тѣхъ временъ и доказываетъ, что въ царствованіе императора Николая I невозможнаго не было ничего.

Старикъ Станкевичъ умеръ въ отставкѣ, что же касается брака молодыхъ, то въ немъ счастья и удачи было мало, и молодой Стан-

кевичъ, вскорѣ послѣ женитьбы вышедшій въ отставку, умеръ въ больницѣ для умалишенныхъ.

По поводу А. Е. Тимашева, такъ неудачно выбраннаго на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, мнѣ припоминается очень мѣткое и по обыкновенію ѣдкое слово предшественника его на этомъ посту, П. А. Валуева, отличавшагося своей находчивостью и рѣзкой мѣткостью своихъ опредѣленій.

Онъ былъ очень близокъ и друженъ съ семьею Тютчевыхъ, которыхъ, однако, въ бытность свою министромъ посѣщалъ относительно рѣдко, такъ какъ почти нигдѣ въ это время не бывалъ. По выходѣ въ отставку, онъ сталъ гораздо чаще показываться въ свѣтѣ, а у Тютчевыхъ бывалъ чуть ли не каждый день.

Однажды, когда онъ сидѣлъ съ женой Тютчева, Эрнестиной Ѳедоровной, у окошка квартиры, занимаемой ими въ домѣ армянской церкви, Тютчева, раскланявшись съ проходившимъ мимо Тимашевымъ, обратилась въ Валуеву со словами:

— Скажите пожалуйста, Петръ Александровичъ, почему это, когда вы были министромъ внутреннихъ дѣлъ, васъ никогда и нигдѣ нельзя было встрѣтить, тогда какъ Александра Егоровича Тимашева ежедневно можно видѣть прогуливающимся по Невскому?..

Такъ какъ м-me Тютчева, природная француженка, вовсе почти не говорила по-русски, то и разговоръ этотъ происходилъ на французскомъ языкѣ.

На этомъ-то діалектѣ Валуевъ и отвѣтилъ своей собесѣдницѣ съ обычной своей элегантностью:

— Cela prouve, madame, que de mon temps le ministère de l'interieur était une galère. Sous le général Timacheff c'est devenu une gondole!..

А. Е. Тимашевъ, строго говоря, не былъ ни дурнымъ, ни злымъ человѣкомъ, это просто былъ человѣкъ крайне поверхностный и вовсе не подготовленный къ тому высокому посту, на который онъ впослѣдствіи былъ призванъ.

За неспособность человѣка осуждать нельзя... Въ этихъ случаяхъ вина падаетъ не на назначаемаго, а на назначающаго!

Тимашевъ былъ красивый, стройный генералъ, въ молодости прекрасный танцоръ, чрезвычайно элегантный на паркетѣ, но ровно ни на что не пригодный, какъ высшій администраторъ. Онъ былъ до крайности не находчивъ, совершенно терялся передъ всякой сколько-нибудь выдающейся силой и пассовалъ передъ всякимъ смѣлымъ словомъ.

Современному ему Петербургу памятенъ случай, гдѣ Тимашевъ, призванный разобраться въ щекотливомъ семейномъ дѣлѣ, въ бесѣдѣ своей съ молодой дѣвушкой общества позволилъ себѣ не совсѣмъ подобающій тонъ и получилъ въ отвѣтъ отъ гордо под-

пявшейся съ мѣста молодой особы громко и отчетливо произнесенныя слова:

— Pardon, monsieur! En entrant ici, j'ai cru trouver un gentilhomme! Je ne trouve... qu'un gendarme!..

Не менѣе характеренъ случай, въ которомъ онъ, вызвавъ «по дѣламъ службы», графиню М. Р. Толстую, извѣстную рѣзкостью своего тона и смѣлостью высказываемыхъ ею сужденій, съ цѣлью запугать ее прямо встрѣтилъ ее вопросомъ:

— Правда ли, графиня, что вы постоянно читаете «Колоколъ»?..

Надо замѣтить, что издававшійся въ то время въ Лондонѣ Герценомъ журналъ «Колоколъ» былъ грозою всей русской администраціи, и чтеніе этого запрещеннаго органа печати считалось чуть ли не уголовнымъ преступленіемъ.

Графиня Толстая, ожидавшая такого вопроса, такъ какъ и самый вызовъ ея къ Тимашеву былъ отчасти плодомъ ловко придуманной и исполненной мистификаціи и подготовленъ былъ путемъ анонимнаго письма, посланнаго самой молодой графиней, смѣло и прямо отвѣтила Тимашеву:

— Да, правда!..

На его красивомъ, но безсодержательномъ лицѣ выразилось недоумѣніе.

Толстой только этого и нужно было.

Она сдѣлалась хозяйкой положенія и, сдѣлавъ наивное и удивленное лицо, въ свою очередь, спросила:

— А почему это васъ интересуетъ?..

— Какъ почему интересуетъ?—удивился Тимашевъ.—На моей обязанности лежитъ охрана общественнаго порядка!

— При чемъ же тутъ общественный порядокъ!?

— Вы этого не понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю. И была бы очень благодарна вамъ, ежели бы вы отвѣтили на мой вопросъ...

— Нѣтъ, я попрошу васъ прежде отвѣтить на мой вопросъ: откуда вы получаете «Колоколъ»? Кто вамъ даетъ его?

— Ахъ, Боже мой! Да я съ нимъ не разстаюсь! И достать его вовсе не такъ трудно!

— Но однако? Кто и когда далъ вамъ его въ послѣдній разъ?

— Кто—не помню! А когда? Да онъ и теперь со мной...

— Какъ!.. Вы являетесь ко мнѣ сюда... захвативъ съ собой «Колоколъ»?!!

— Да. Я «явилась» съ «Колоколомъ» въ карманѣ. Что вы тутъ находите такого удивительнаго?

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ вручить мнѣ захваченный вами съ собой экземпляръ.

— Очень охотно, только пожалуйста верните мнѣ его, потому что я не успѣла его переписать, а онъ мнѣ необходимъ!

И, произнося эти слова, молодая шалунья вынула изъ кармана листокъ почтовой бумаги и подала его Тимашеву.

Онъ взглянулъ, и лицо его покрылось краской конфуза и негодованія.

— Что это такое?—строго спросилъ онъ.

— Шиллеровское стихотвореніе «Die Glocke», переведенное на русскій языкъ!—тономъ несокрушимой наивности отвѣтила графиня.

— Вы меня дурачите, графиня! Но это вамъ не удастся.

— Я?.. Дурачу васъ?!. Простите... но я ровно ничего не понимаю!.. Вы потребовали отъ меня «Колоколъ», я отдала вамъ его, не понимая даже и причины и смысла этого требованія, и оказывается, что я же въ чемъ-то виновата?

— Я не о стихотвореніи Шиллера говорилъ съ вами, графиня.

— Такъ о чемъ же?.. Я никакого другого «Колокола» не знаю и не читала!

— Не старайтесь ввести меня въ заблужденіе... Я говорилъ о журналѣ, издающемся въ Лондонѣ... Я о томъ «Колоколѣ» говорилъ, на страницахъ котораго постоянно оскорбляются и русское правительство, и священная особа государя императора!..

— Что такое?!. Государь оскорбляется?!. Да развѣ есть такое изданіе?! И вы, министры, его читаете?!. Ахъ, какъ вамъ не стыдно!.. И зачѣмъ вы мнѣ объ этомъ разсказываете?!. Это вы оскорбляете государя, а не я!.. Я никогда не стала бы читать ничего подобнаго..

И она, простившись съ одураченнымъ представителемъ грознаго въ то время Третьяго Отдѣленія, вышла изъ комнаты своей ровной, полной достоинства походкой.

Анекдотъ этотъ быстро обѣжалъ всѣ аристократическіе кружки Петербурга и долгое время составлялъ благополучіе всѣхъ противниковъ неумѣлаго министра, а такіе противники считались сотнями, ежели не тысячами,

Но и у неспособнаго на управленіе министерствомъ генерала Тимашева былъ одинъ несомнѣнный, ему лично ни на что не нужный талантъ. Онъ былъ превосходный скульпторъ, и его миніатюрныя статуэтки, отливавшіяся но его эскизамъ въ мастерской скульптора, имѣвшаго свою мастерскую на Офицерской улицѣ, противъ Казанской части, отличались необычной тонкостью и мѣткостью рисунка.

Особенно остроумна была небольшая серія его, «похожденія амура», состоявшая изъ четырехъ очаровательныхъ миніатюрныхъ фигурокъ. Первая изъ серіи статуэтокъ изображала амура, еще не посвященнаго въ тайны жизни и ея увлеченій, съ веселымъ выраженіемъ на дѣтскомъ лицѣ, съ ясной улыбкой, окруженнаго цвѣтами, которые онъ беззаботно срываетъ. Вторая изображала

амура, уже вооруженнаго колчаномъ и стрѣлами, съ плутовскимъ выраженіемъ вдумчиваго, но еще спокойнаго лица, со взглядомъ, устремленнымъ въ даль. Третья статуэтка, «l'amour triomphant», изображала амура въ моментъ его побѣды... На страстно возбужденномъ лицѣ написано торжество, лукъ мѣтко натянутъ, колчанъ наполненъ стрѣлами... Вся миніатюрная фигурка дышитъ торжествомъ побѣды и удовлетворенной страсти... И наконецъ четвертая фигура, «l'amour vaincu», изображала злосчастнаго амура на костылѣ, съ подвязанной рукой, съ перевязанной щекой и помятымъ цилиндромъ на головѣ... Вокругъ него разсыпаны стрѣлы... Колчанъ его совершенно пустъ и безполезно виситъ на болѣзненно согнутыхъ плечахъ. Вся фигура выражаетъ полную прострацію и полное безнадежное отчаяніе!..

Эта шутливая и остроумная серія одно время красовалась на всѣхъ модныхъ этажеркахъ и составляла принадлежность каждой умѣло составленной коллекціи.

Для скульптора-любителя это было очень лестно... Для министра внутреннихъ дѣлъ—ровно ни на что не нужно!

Карьерой своей Тимашевъ обязанъ тому, что онъ почти выросъ вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ II, который всегда ошибочно думалъ, что довольно доброй воли для того, чтобы вполнѣ безукоризненно справиться съ любой задачей. Товарищей своей юности и своего дѣтства онъ всегда старался выдвинуть на видныя мѣста, не заботясь о томъ, насколько ихъ личныя свойства согласны съ предоставляемыми имъ почетными назначеніями.

Въ наличности доброй воли у Тимашева сомнѣваться было бы несправедливо, но въ его административную дѣятельность это ничего отраднаго не внесло...

То же самое можно сказать и о министрѣ двора Адлербергѣ 2-мъ, удостоенномъ этого почетнаго назначенія единственно только въ силу того, что отецъ его, товарищъ дѣтства императора Николая I, былъ министромъ двора при немъ, и сынъ его воспитывался вмѣстѣ съ сыномъ императора.

Самое положеніе стараго министра, Владимира Ѳедоровича Адлерберга, врядъ ли можно считать вполнѣ правильнымъ и удачнымъ, потому что семья Адлерберговъ не принадлежала даже къ сколько-нибудь почетному финляндскому роду. Нѣмка Алдербергъ взята была не воспитательницей, а простою няней къ великому князю Николаю Павловичу при его рожденіи и сумѣла такъ привязать къ себѣ своего царственнаго питомца, что онъ навсегда сохранилъ къ ней самое искреннее расположеніе и послѣ смерти первой начальницы Смольнаго монастыря, г-жи Лафонъ, назначилъ свою бывшую няню на ея мѣсто и сдѣлалъ ее начальницей перваго въ Россіи привилегированнаго женскаго учебнаго заведенія.

Въ такомъ необычномъ выборѣ выразилась вся деспотическая воля Николая Павловича, не считавшагося ни съ чѣмъ, кромѣ личнаго своего благоволенія.

Семья Адлербергов, очень гордая, заносчивая, пополнялась еще дочерью старухи Адлербергъ, выданной замужъ за болѣе нежели зауряднаго офицера Баранова, вскорѣ послѣ женитьбы своей присвоившаго себѣ довольно странное имя «фонъ-Баранова» и не сдѣлавшаго особенно крупной карьеры только потому, что онъ рано умеръ, оставивъ молодую жену вдовой.

Послѣ смерти его молодая г-жа фонъ-Баранова была взята въ воспитательницы къ средней дочери Николая Павловича, великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, и въ день свадьбы воспитанницы своей съ наслѣдникомъ принцемъ вюртембергскимъ Баранова пожалована была графскимъ титуломъ со всѣмъ нисходящимъ потомствомъ.

Сыновья вновь пожалованной графини въ заносчивости своей превзошли всѣхъ своихъ родственниковъ, и по Петербургу долго ходилъ анекдотъ о столкновеніи «импровизированнаго» графа» съ однимъ изъ хорошо извѣстныхъ тогдашнему Петербургу инженеровъ.

Во время постройки Николаевской желѣзной дороги, когда по уже отсроченному, но еще не открытому Чудовскому участку ѣздили только по особому разрѣшенію лицъ, стоявшихъ близко къ правленію дороги, въ числѣ послѣднихъ былъ инженеръ путей сообщенія нѣкто Карцевъ, человѣкъ очень милый, очень образованный и вполнѣ корректный, но требовавшій такой же корректности и отъ другихъ.

Случилось какъ-то Карцеву, входя на пути въ вагонъ, столкнуться съ выходившимъ оттуда господиномъ, котораго онъ слегка задѣлъ локтемъ; извинившись за свою неловкость, Карцевъ хотѣлъ итти дальше, но былъ остановленъ незнакомцемъ, громко и заносчиво крикнувшимъ:

— Милостивый государь!.. вы меня толкнули!..

— Я извинился передъ вами... и еще разъ извиняюсь!—учтиво отвѣтилъ Карцевъ, приподнимая фуражку.

— Мнѣ этого мало, милостивый государь! — еще заносчивѣе продолжалъ незнакомецъ.—На что мнѣ нужно ваше извиненіе?

— Чего же вамъ отъ меня угодно?—въ свою очередь, начиная выходить изъ терпѣнія, возразилъ Карцевъ.

— Мнѣ угодно, чтобы вы были осторожнѣе!.. Вы не знаете, съ кѣмъ вы имѣете дѣло!

— Я вполнѣ съ вами согласенъ... Точно, я не знаю...

— Не «имѣете чести» знать, мил-сдарь!.. Потому что ежели бы вы знали... то, конечно, измѣнили бы тонъ...

— Потрудитесь, въ такомъ случаѣ, назвать себя! — пожалъ плечами Карцевъ, не на шутку заинтригованный вопросомъ, кого

Богъ послалъ ему въ оппоненты. Незнакомецъ окинулъ его съ ногъ до головы взоромъ, полнымъ гордаго сознанія своего достоинства.

— Вамъ угодно знать мое имя?—произнесъ онъ такимъ тономъ, который ясно доказывалъ, что произнесеніе этого имени равнялось въ его глазахъ объявленію чего-то въ высшей степени великаго и импозантнаго.

— Да!—повторилъ Карцевъ, котораго тонъ незнакомца начиналъ не на шутку смущать.—Я желалъ бы знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Незнакомецъ поднялъ голову еще выше.

— Вы имѣете честь говорить съ графомъ Варановымъ!—произнесъ онъ, высоко поднимая плечи и мѣряя собесѣдника своего взоромъ, полнымъ пренебреженія.

Тотъ остановился, сдѣлалъ легкую гримасу и, въ свою очередь, поднимая голову, дурашливо воскликнулъ:

— Графъ... Ба-ра-новъ?!. Только-то?!. Я самъ, батюшка мой, князь Телятинскій.

Взрывъ гомерическаго хохота встрѣтилъ эту выходку со стороны товарищей и друзей Карцева, давно наблюдавшихъ за этой оригинальной сценой.

Неудачный «графъ», сконфуженный, пробормоталъ что-то о дерзости и непочтеніи, пригрозилъ тѣмъ, что онъ кому-то и что-то «покажетъ», и поспѣшилъ стушеваться...

За этимъ мнимымъ аристократомъ надолго осталась насмѣшливая кличка «князя Телятинскаго», что не помѣшало ни ему, ни его ближайшимъ родственникомъ преуспѣвать въ той же глупой заносчивости.

Самое открытіе Николаевской желѣзной дороги имѣло мѣсто уже послѣ моего выпуска, и я по окончаніи курса въ Смольномъ монастырѣ пріѣхала въ Москву еще въ мальпостѣ.

Когда Николаевская дорога была уже совершенно окончена и движеніе по ней открыто, то, несмотря на ея офиціальное открытіе, въ первые три дня поѣзда изъ Петербурга въ Москву и обратно ходили еще даромъ, такъ непривыченъ былъ для русской публики этотъ способъ передвиженія.

Но публика привыкла къ этому довольно быстро, и въ самомъ непродолжительномъ времени прошлое медленное сообщеніе между столицами казалось уже почти невѣроятнымъ и совершенно несноснымъ...

Но я невольно отклонилась отъ моего повѣствованія.

Чтобы покончить съ тѣмъ, что мнѣ въ то время было извѣстно изъ дѣятельности всесильнаго и всемогущаго Третьяго Отдѣленія, приведу здѣсь шестистишіе, сообщенное мнѣ много лѣтъ спустя товарищемъ или помощникомъ оберъ-прокурора св. синода Юріемъ Толстымъ по поводу лекціи права, прочитанной въ помѣщеніи,

занимаемомъ парадными покоями этого могущественнаго Отдѣленія.

Не могу сказать, кому пришла дикая мысль, при назначеніи нѣсколькихъ послѣдовательныхъ научныхъ лекцій о правѣ, выбрать для прочтенія ихъ именно это помѣщеніе, но Толстой смѣясь разсказалъ, что по Петербургу по этому случаю ходило слѣдующее мѣткое стихотвореніе:

У Цѣпного моста видѣлъ я потѣху,
Чортъ, держась за пузо, помиралъ отъ смѣху...
Батюшки... нѣтъ мочи!.. говорилъ лукавый,
Въ Третьемъ Отдѣленьи изучаютъ право?!.
Право... на безправьи?!. Эдакъ скоро, братцы,
Мнѣ за богословье надо приниматься!..

Вообще, ежели русское общество относилось къ чему-нибудь съ единодушнымъ и, ежели можно такъ выразиться, безпросвѣтнымъ порицаніемъ, то это къ Третьему Отдѣленію и всѣмъ лицамъ, такъ или иначе къ нему причастнымъ. Это былъ произволъ во всемъ широкомъ значеніи этого слова, и я увѣрена, что полная и подробная исторія этого пресловутаго учрежденія, ежели такой исторіи суждено когда-нибудь появиться, — откроетъ одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ русской исторіи.

Мнѣ мелькомъ пришлось слышать, ежели не ошибаюсь, отъ Тютчева, который, несмотря на громадную разницу лѣтъ, удостоивалъ меня частыми бесѣдами, что у Валуева сохранилось много любопытныхъ актовъ относительно этого характернаго учрежденія, но увидятъ ли эти акты когда-нибудь свѣтъ, Богъ вѣдаетъ.

Какъ слухъ, передаю то, что разсказывали тогда о нахожденіи въ распоряженіи Третьяго Отдѣленія секретнаго помѣщенія съ креслами, которыя будто бы опускались подъ приглашенными помѣститься на нихъ барынями, чѣмъ-либо прогнѣвившими агентовъ грознаго учрежденія и тутъ же séance tenante получавшими... ощутительное возмездіе за свои политическія прегрѣшенія, при томъ, однакоже, скромномъ условіи, что ни онѣ не видали эмиссаровъ этого вѣскаго нравоученія, ни тѣ не видали своихъ временныхъ жертвъ...

Какъ на одну изъ жертвъ такого, почти невѣроятнаго порядка вещей, указывали на графиню Ростопчину, приглашенную посидѣть на этомъ историческомъ креслѣ, вслѣдъ за написаннымъ ею извѣстнымъ стихотвореніемъ «Баронъ и жена»... но насколько эта версія согласна съ истиной, я рѣшить не берусь.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, а именно въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія, жандармская служба пользовалась въ обществѣ такими скромными симпатіями, что лицъ, но-

сившихъ синій мундиръ, въ обществѣ встрѣчать почти не приходилось, и знакомствомъ съ ними никто не только не гордился, но и признавались въ немъ неохотно.

Не особенно сочувственно относился къ этой службѣ и императоръ Николай Павловичъ, несмотря на то, что много и широко ею пользовался, и всѣмъ памятенъ случай, когда на докладъ Бенкендорфа о желаніи одного изъ дворянъ Костромской губерніи представиться государю и о томъ, что дворянинъ этотъ оказалъ значительную пользу, открывъ существованіе тайнаго общества, образовавшагося въ районѣ обитаемаго имъ уѣзда, Николай Павловичъ отвѣчалъ:

— Спроси его, какой награды онъ желаетъ, и по возможности исполни его просьбу... но... лично видѣть его я не желаю! Доносы я люблю, но доносчиковъ презираю!..

Упомянувъ имя Бенкендорфа, не могу не передать уморительнаго анекдота, слышаннаго мною отъ сельскаго священника въ Нижегородской губерніи, который, въ свою очередь, слышалъ его отъ своего отца, бывшаго однимъ изъ злополучныхъ героевъ этого уморительнаго и почти невѣроятнаго, но совершенно справедливаго случая. Впослѣдствіи то же подтвердилъ тамбовскій губернаторъ П. А. Булгаковъ.

Дѣло было въ сороковыхъ годахъ; поѣздки особъ царской фамиліи по Россіи были въ то время большою рѣдкостью и сопровождались такими тревожными приготовленіями и такими волненіями, о какихъ въ настоящее время и понятія себѣ составить нельзя. По всему тракту исправлялись дороги, приводились въ порядокъ паромы и переправы, чинились мосты и гати, и ни сами губернаторы, ни подчиненныя имъ уѣздныя и губернскія власти не знали покоя ни днемъ, ни почью. Объ исправникахъ и становыхъ приставахъ и говорить нечего... Эти по цѣлымъ недѣлямъ не спали и не выходили изъ своихъ походныхъ тарантасовъ, съ быстротою молніи переносясь изъ деревни въ деревню, изъ села въ село и всюду нагоняя тотъ страхъ, подъ гнетомъ котораго они сами мучительно страдали...

Къ этой мучительной тревогѣ еще прибавилось то обстоятельство, что незадолго передъ тѣмъ почтовыя лошади понесли и чуть не разбили экипажъ великой княгини Маріи Николаевны, проѣзжавшей по Тамбовской губерніи, и съ тѣхъ поръ всѣ смотрители почтовыхъ станцій находились подъ смертельнымъ страхомъ повторенія подобнаго казуса.

Всѣ остановки по пути царскаго слѣдованія были заранѣе строго распредѣлены, и не только за нѣсколько недѣль, но за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ извѣстно было, на какой станціи будетъ остановка для обѣда или завтрака, черезъ какіе города и села государь послѣдуетъ вовсе безъ всякой остановки и гдѣ онъ будетъ

только минутно выходить изъ экипажа для принятія хлѣба и соли отъ жителей. Кромѣ того, обозначены были съ такою же подробностью и тѣ села, гдѣ государь будетъ выходить изъ экипажа только для того, чтобы, войдя въ мѣстную церковь, принять благословеніе мѣстнаго деревенскаго причта. Въ этихъ случаяхъ тревога и хлопоты переходили на представителей духовной власти, и благочинные и архіереи суетились и волновались не хуже исправниковъ и становыхъ приставовъ.

Надо имѣть точное понятіе о сельскомъ духовенствѣ тѣхъ временъ, надо представить себѣ этихъ захудалыхъ «батюшекъ», изъ которыхъ многіе никогда въ жизни даже губернатора въ лицо не видали,—для того, чтобы представить ихъ себѣ лицомъ къ лицу съ самимъ государемъ.

И вотъ въ это время сдѣлалось извѣстнымъ, что императоръ Николай Павловичъ, проникая въ глубь Россіи, намѣренъ посѣтить именно тѣ изъ внутреннихъ губерній, которыя за долгій промежутокъ лѣтъ не видали въ предѣлахъ своихъ высочайшихъ особъ.

Доставлено было къ губернаторамъ, черезъ губерніи которыхъ лежалъ царскій путь, подробное расписаніе всѣхъ остановокъ, и въ томъ числѣ на одно изъ самыхъ скромныхъ и захудалыхъ селъ Тамбовской губерніи выпала честь принять подъ сѣнь своего сельскаго храма государя, который долженъ былъ войти въ сельскій храмъ, памятный по какому-то историческому событію, и принять привѣтствіе отъ мѣстнаго сельскаго священника. Получивъ это указаніе, губернаторъ тотчасъ же сообщилъ объ немъ мѣстному архіерею, а тотъ, полный тревоги, вызвалъ къ себѣ мѣстнаго благочиннаго.

Предстояло на общемъ совѣщаніи рѣшить церемоніалъ высочайшей встрѣчи и подготовить рѣчь, которою батюшка долженъ встрѣтить и привѣтствовать государя.

Священствовалъ въ означенномъ селѣ престарѣлый «батюшка» отецъ Иванъ, и въ молодости своей не отличавшійся ни бойкостью, ни смѣлостью, а съ годами и вовсе почти одичавшій, и когда архіерей сообщилъ ему, что на его долю выпадетъ честь и счастье встрѣтить и привѣтствовать государя, то скромный «батюшка» пришелъ въ такое неописуемое смятеніе, что съ непривычной ему рѣшимостью наотрѣзъ объявилъ владыкѣ, что рѣшенію этому онъ не подчинится, и ни навстрѣчу къ государю не выйдетъ, ни привѣтствія никакого ему говорить не станетъ.

— Казните меня, ваше преосвященство, въ Сибирь меня сошлите, а ничего я говорить не стану!..—въ порывѣ неподдѣльнаго отчаянія говорилъ потерявшій голову батюшка.—Все равно мнѣ гибнуть!.. Такъ ужъ лучше пусть я такъ, въ безвѣстности, окончу дни свои въ дальнемъ монастырѣ, на послушаніи, нежели мнѣ такое на себя принимать.

Предстоявшее ему, неслыханное въ его скромной жизни событіе онъ могъ только выразить словомъ «такое»... Инаго выраженія онъ подобрать не могъ!

Но ни благочинный, ни архіерей, которому тотъ передалъ отчаянное рѣшеніе батюшки, не приняли ничего во вниманіе, и злополучному батюшкѣ велѣно было «сочинять» и готовить рѣчь.

Можно представить себѣ его положеніе. Онъ на своемъ вѣку двухъ словъ сряду не сказалъ, даже въ присутствіи станового пристава, а тутъ вдругъ императоръ...

— Онъ что же одинъ пріѣдетъ?—наивно освѣдомилась матушка у письмоводителя станового пристава, который такъ и не выѣзжалъ изъ села, сдѣлавшагося центромъ вниманія всего мѣстнаго земскаго начальства.

— Какъ можно одинъ?—въ ужасѣ воскликнулъ хорошо освѣдомленный письмоводитель.—Съ нимъ прибудетъ цѣлый штабъ... Однихъ генераловъ не пересчитать...

— И нашъ отецъ Иванъ при нихъ при всѣхъ рѣчь держать. станетъ?

— Ну, извѣстное дѣло!.. Не убавлять же для него станутъ высочайшую свиту!...

— Ну, этому не бывать!.. Это и я скажу, что не бывать!—рѣшительно и безповоротно объявила матушка.—Это и самъ благочинный, какъ онъ ни рѣшителенъ и сколь онъ ни образованъ, а сдѣлать не сможетъ!.. Тутъ особое Божеское внушеніе должно быть... а мы съ отцомъ Иваномъ что за святые?!.

Но всѣ эти и тому подобные разговоры ровно ни къ чему не вели и рѣшенія высшаго духовнаго начальства не измѣнили...

Привѣтственную рѣчь необходимо было писать, и благочинный въ тайникѣ души своей сознавалъ, что и самъ онъ такой задачи рѣшить не въ состояніи.

На выручку явился старшій сынъ благочиннаго, «богословъ», пріѣхавшій къ отцу на побывку изъ губерніи, гдѣ онъ съ успѣхомъ оканчивалъ семинарскій курсъ. Ораторское краснорѣчіе имъ въ семинаріи преподавалось, и написать привѣтственную рѣчь, по его мнѣнію, ровно ничего не стоило.

— Монарховъ привѣтствовали во всѣ времена и у всѣхъ народовъ!—важно порѣшилъ онъ:—и такой, можно сказать, общедоступный предметъ не можетъ и не долженъ омрачить мира и спокойствія душевнаго...

Богословъ любилъ и въ жизни изъясняться болѣе или менѣе вычурно и краснорѣчиво, и его вмѣшательство показалось и отцу его, и благочинному явленіемъ Божескаго промысла.

— Дерзай!—благословилъ его благочинный, вызвавшій его къ себѣ.—Сочиняй и пиши достойную великаго случая рѣчь, а отецъ Иванъ, по немощи своей, пусть наизусть ее выучитъ и съ благословенія Всевышняго произнесетъ, когда къ тому приспѣетъ минута!

Вышло нѣчто болѣе высокопарное, нежели осмысленное, но насторожившемуся начальству это показалось верхомъ искусства и «умственности», и переписанная рѣчь была передана отцу Ивану съ строгимъ приказомъ неукоснительно вызубрить ее и, вызубривъ, явиться къ благочинному для прочтенія и указанія подобающихъ ударенiй.

Но съ отцомъ Иваномъ поладить было труднѣе, нежели начальство предполагало. Онъ наотрѣзъ объявилъ, что памяти у него давнымъ-давно нѣтъ ровно никакой, и что всякія усилія его въ этомъ направленіи останутся тщетными.

Получивъ строгій выговоръ за строптивость, злополучный священникъ принялся, однако, за давнымъ-давно забытую «зубрежку», и матушка, близко принимавшая къ сердцу внезапную невзгоду мужа, взялась ежедневно прослушивать его, раздѣливъ написанную рѣчь на нѣсколько уроковъ.

Дѣло пошло на ладъ, и вскорѣ благочинный, почти ежедневно навѣдывавшійся къ отцу Ивану, могъ сообщить преосвященному о томъ, что отецъ Иванъ «прошелъ» уже добрую половину ораторскаго привѣтствія.

Дошло дѣло и до конца рѣчи, и матушка, сама провѣрившая познанія мужа, торжественно засвидѣтельствовала передъ благочиннымъ, что батюшка безъ запинки всю рѣчь отъ доски до доски наизусть читаетъ.

Архіерей назначилъ день своего пріѣзда для «повторнаго испытанія», и... отецъ Иванъ, наканунѣ только произнесшій всю рѣчь передъ благочиннымъ, какъ говорится, безъ тычка и задоринки, совершенно спасовалъ передъ архіереемъ и въ концѣ забылъ все, что ему удалось вызубрить.

Архіерей пришелъ въ неописуемое отчаяніе.

Губернаторомъ въ Тамбовѣ въ это время былъ Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ, впослѣдствіи бывшій генералъ-кригсъ-комиссаромъ, женатый на графинѣ Кутайсовой и обязанный всей своей карьерой значительнымъ связямъ своей жены при дворѣ.

Булгаковъ былъ человѣкъ очень умный и находчивый, и разсказы его о всѣхъ злоключеніяхъ, постигавшихъ его въ бытность его тамбовскимъ губернаторомъ, могли бы составить очень интересный юмористическій сборникъ. Онъ успѣлъ уже переиспытать цѣлую серію всевозможныхъ злоключеній, и новая невзгода, угрожавшая ему въ лицѣ упрямаго попа, не удивляла и даже не пугала его

— Я такъ и зналъ, что они опять со мной что-нибудь да продѣлаютъ!—съ комическимъ ужасомъ воскликнулъ онъ, выслушавъ разсказъ архіерея.

Архіерей могъ только глубоко вздохнуть, воздѣвъ руки къ небу.

— Вы ужъ, ваше преосвященство, какъ-нибудь уломайте вашего попа!—почтительно взмолился губернаторъ,—Мнѣ и такъ ужъ съ этими тамбовцами приходилось не разъ омаргиваться отъ замѣ-

чаній изъ министерства!.. Вѣдь не виноватъ же я въ томъ, что это какая-то крѣпколобая губернія!...

Архіерей выразилъ свою полную готовность, но не зналъ, какъ и въ какомъ видѣ ее примѣнить къ дѣлу.

— Нельзя ли его какъ-нибудь, съ суфлеромъ, что ли, заставить говорить? — сказалъ Булгаковъ, тутъ же по возможности объяснивъ преосвященному роль суфлера на сценѣ.

Тотъ обѣщалъ попробовать, но предварительно вновь самыми кроткими мѣрами постарался внушить своему подчиненному необходимость неукоснительнаго изученія заготовленной рѣчи.

А день, назначенный для прибытія августѣйшаго гостя, приближался, и волненіе всей губерніи доходило до своего апогея.

Наконецъ назначенъ былъ самый часъ прибытія государя, и наканунѣ утромъ архіерей, съ зарею пріѣхавшій въ село къ отцу Ивану, имѣлъ случай лишній разъ убѣдиться въ томъ, что при малѣйшемъ намекѣ на торжественную обстановку отецъ Иванъ впадаетъ въ полную прострацію, и отъ него не только длинной рѣчи, но и одного путнаго слова добиться невозможно.

Пришлось прибѣгнуть къ средству, изобрѣтенному и рекомендованному губернаторомъ, и такъ какъ рѣчь должна была быть произнесена съ амвона, то суфлера-богослова положено было спрятать въ алтарѣ, гдѣ онъ, слово за словомъ, будетъ читать рѣчь, которую слово за словомъ будетъ повторять за нимъ злополучный отецъ Иванъ.

Съ вечера сдѣлана была репетиція этого диктанта, давшая почти совершенно благопріятные результаты, утромъ репетиція была повторена, и прошла съ еще большей удачей, и всѣ насколько возможно успокоились.

Одинъ Булгаковъ только, выѣзжая для встрѣчи государя на границу губерніи, съ суевѣрнымъ ужасомъ повторялъ:

— Не вѣрится мнѣ, чтобы мои тамбовцы не выкинули какого-нибудь артикула!.. Не такъ они у меня воспитаны!.. Не тѣмъ миромъ мазаны...

Предчувствію его суждено было сбыться шире и блистательнѣе, нежели онъ самъ этого ожидалъ.

Всю ночь передъ знаменательнымъ днемъ все село не ложилось. Во всѣхъ избахъ виденъ былъ свѣтъ. Всѣ наряжались, убирались, и даже пироги пекли и брагу варили къ этому дню, какъ будто государь ожидался гостемъ въ каждую изъ прибранныхъ по праздничному избъ.

Наконецъ, къ двѣнадцати часамъ прискакалъ передовымъ исправникъ, за нимъ слѣдомъ прибылъ губернаторъ, а ровно въ два часа могучее перекатистое «ура», громовымъ кликомъ раздавшееся вдоль по дорогѣ, возвѣстило о приближеніи царскаго кортежа.

Архіерей набожно перекрестился...

Отецъ Иванъ, блѣдный, какъ смерть, только рукой махнулъ. Онъ прошелъ въ церковь, надѣлъ тамъ полное облаченіе и, взявъ въ руки крестъ, приготовился выйти навстрѣчу государю.

Восторженное «ура» раздалось у самой околицы, и бойкая тройка съ нарядным, расфранченнымъ ямщикомъ вихремъ промчалась по деревнѣ и какъ вкопанная остановилась передъ самымъ храмомъ.

Государь вышелъ изъ экипажа.

Отецъ Иванъ, съ перепуганнымъ лицомъ и сильно дрожавшими руками, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу.

Государь перекрестился и приложился къ кресту, поцѣловавъ затѣмъ руку священника, что онъ неукоснительно исполнялъ всегда, и по преимуществу когда имѣлъ дѣло съ бѣднымъ сельскимъ духовенствомъ.

Это окончательно сконфузило несчастнаго отца Ивана.

Онъ растерялся, и когда государь ступилъ на паперть деревенской церкви, то растерявшагося священника пришлось буквально толкнуть, чтобы онъ, въ свою очередь, вошелъ въ храмъ.

Государь послѣдовалъ за нимъ и занялъ приготовленное ему мѣсто.

Рядомъ съ нимъ стали Адлербергъ, Орловъ и графъ Бенкендорфъ, бывшій въ то время шефомъ жандармовъ и во всѣхъ царскихъ путешествіяхъ ѣхавшій всегда въ экипажѣ вмѣстѣ съ государемъ.

Начался молебенъ, отслуженный самимъ архіереемъ, въ сослуженіи съ благочиннымъ и архіерейскимъ діакономъ, при хорѣ архіерейскихъ пѣвчихъ.

Отцу Ивану дано было время прійти въ себя и приготовиться къ произнесенію рѣчи.

Наконецъ, передъ окончаніемъ молебна и провозглашеніемъ многолѣтія, наступилъ и его черед.

Онъ вышелъ изъ царскихъ вратъ, приблизился къ приготовленному аналою, облокотился на него обѣими руками, тихимъ, дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...—и замолчалъ.

Онъ, какъ самъ онъ передавалъ впослѣдствіи, забылъ, и гдѣ онъ, и какъ его зовутъ... забылъ все, кромѣ того, что ему что-то угрожаетъ и что на него надвигается какая-то неминуемая бѣда...

Богословъ въ это время, спрятанный въ алтарѣ, желая ободрить его и напомнить, что онъ тутъ, готовый ему на помощь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предупредить его, что пора начинать рѣчь, тихо, но внятно произнесъ:

— Ну, начинается!..

Отецъ Иванъ, который смутно припомнилъ только одно, что надо неукоснительно повторять все, что говорится въ алтарѣ, тоже, по возможности ясно и громко, хватилъ на всю церковь:

— Ну, начинается!..

Всеобщее оцѣпенѣніе не поддается никакому описанію...

Государь съ глубокимъ недоумѣніемъ взглянулъ на Бенкендорфа.

Тотъ отыскалъ глазами Булгакова.

Булгаковъ, блѣдный и растерянный, прятался за лицами свиты, и умоляющими взглядами искалъ архіерея.

Богословъ между тѣмъ, желая заставить отца Ивана опомниться и прійти въ себя, тихо и внушительно произнесъ:

— Что ты?... Опомнись!..

— Что ты?.. Опомнись!..—на всю церковь возгласилъ злополучный ораторъ къ вящшему пораженію всѣхъ слушателей...

Богословомъ овладѣло неописуемое отчаяніе.

Онъ видѣлъ себя источникомъ невыразимыхъ бѣдствій для всей епархіи... а, быть можетъ, и для самого святѣйшаго синода, и въ порывѣ отчаянія, хватая себя за голову, воскликнулъ:

— Куда ты залѣзъ?

— Куда ты залѣзъ?—гремѣлъ голосъ отца Ивана, окончательно потерявшаго смыслъ и сознаніе произносимыхъ имъ словъ.

Всѣ, начиная съ государя, были подъ вліяніемъ невыразимаго удивленія...

Богословъ въ алтарѣ отчаянно махнулъ рукой и упавшимъ, но все-таки явственнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Пропадешь ты совсѣмъ, и я съ тобой вмѣстѣ!..

— Пропадешь ты совсѣмъ, и я съ тобой вмѣстѣ!!—прозвучалъ вѣщій голосъ въ конецъ обалдѣвшаго отца Ивана.

Наступила минута полнаго, ничѣмъ не нарушаемаго молчанія...

— Что это такое? — по-французски спросилъ государь, обращаясь къ Адлебергу, который дѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобы не расхохотаться.

Онъ зналъ всѣ злоключенія Булгакова по чудачествамъ его обывателей и искалъ его глазами, чтобы молча поздравить его съ новымъ «артикуломъ», превосходящимъ всѣ предшествовавшіе.

Много чудесъ числилось за тамбовцами со времени водворенія къ нимъ Булгакова, много видѣлъ онъ злоключеній, много «сюрпризовъ» перенесъ онъ отъ нихъ и много еще ждалъ впереди, но ничего подобнаго настоящему пассажу ему даже во снѣ присниться не могло...

Чѣмъ окончился этотъ оригинальный эпизодъ для самого оратора, я не знаю, но Булгакову за него «нагорѣло», и по прошествіи долгихъ лѣтъ, протекшихъ послѣ полной и вѣчной разлуки его съ Тамбовской губерніей, онъ еще съ ужасомъ передавалъ состояніе своего духа въ этотъ знаменательный въ его жизни день...

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

А. И. Соколова.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА [1].

Злоключенія П. А. Булгакова въ бытность его тамбовскимъ губернаторомъ.—Помѣщикъ Протасьевъ.—Проѣздъ наслѣдника.—Прошеніе на высочайшее имя.—Процессъ В. М. Черновой.—Адская машина.—Роковая женщина.—Князь Юрій Николаевичъ Голицынъ.—Его оригинальная карьера.—Кончина князя Юрія.—Его погребеніе.—Почетъ, оказанный ему артистами императорскихъ театровъ.

БУЛГАКОВА я знала въ бытность его калужскимъ губернаторомъ.

Это былъ очень милый, до крайности доступный и простой въ обращеніи чловѣкъ, въ которомъ не было и тѣни той заносчивости, какою обыкновенно страдаютъ всѣ наши представители высшей администраціи. Его всѣ въ Калугѣ любили, всѣ охотно приглашали его къ себѣ, и приглашенія эти тѣмъ болѣе приходились ему по душѣ, что въ Калугѣ онъ почти всегда жилъ «на холостомъ положеніи», такъ какъ жена его со всѣмъ своимъ многочисленнымъ семействомъ проживала или въ Петербургѣ, или за границей, не предъявляя къ мужу никакихъ требованій, кромѣ денежныхъ. Зато послѣднимъ не было положительно ни конца, ни мѣры, что отчасти объяснялось тѣмъ, что дѣтей у Булгаковыхъ было что-то около десяти человѣкъ.

Чрезвычайно остроумный, всегда веселый и весь свой долгій и тревожный вѣкъ обязательно въ кого-нибудь влюбленный, Булгаковъ былъ всегда желаннымъ гостемъ и неистощимо пріят-

[1] Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXIII, стр. 558.

нымъ собесѣдникомъ, и появленіе его въ гостиной всегда встрѣчалось всеобщей радостью и единодушнымъ, горячимъ привѣтомъ.

Изъ всѣхъ его воспоминаній наиболѣе комичный оттѣнокъ носили впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ его бытности въ Тамбовской губерніи, которою онъ управлялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и обыватели которой были для него источникомъ неустанныхъ злоключеній.

— Ужъ не знаю, нарочно они все это продѣлывали, или Богъ имъ такъ на душу полагалъ,—повѣствовалъ онъ:—но артикулы они выкидывали такіе, что до сихъ поръ, ежели мнѣ только во снѣ приснится, что я въ Тамбовѣ, такъ я вскакиваю, какъ ошпаренный.

Онъ безъ тѣни улыбки на лицѣ высказывалъ свое глубокое уваженіе къ проницательности Мятлева, именно изъ Тамбова взявшаго свою неподражаемую «мадамъ Курдюкову», и увѣрялъ, что нигдѣ, кромѣ этого богоспасаемаго града, и этой экстраординарной губерніи, мадамъ Курдюкова и народиться не могла.

Кромѣ вышеприведеннаго случая съ привѣтственной рѣчью деревенскаго попа, у Булгакова имѣлся еще цѣлый сборникъ разсказовъ, въ которыхъ онъ всегда игралъ роль козла отпущенія. Разсказы его имѣютъ тѣмъ большую цѣну, что онъ не только никогда не лгалъ, но и не преувеличивалъ ничего въ своихъ описаніяхъ, и что всѣ выводимые имъ на сцену герои и героини были цѣликомъ взяты изъ дѣйствительной жизни.

Къ довершенію его заключеній, всѣ проявленія того, что Булгаковъ называлъ «тамбовской глупостью», доходили до высшихъ сферъ и подчасъ серьезно ложились на его служебную карьеру. Въ Петербургѣ знали и его неистощимое остроуміе, и его неизмѣнное веселое настроеніе, и онъ рисковалъ тѣмъ, что обывательская наивная глупость могла быть понята какъ его личная, смѣлая и дерзкая шутка.

При дворѣ у Булгакова было немало враговъ, многіе завидовали его связямъ, его быстрой и широкой административной карьерѣ, и въ предвидѣніи, что на этомъ его административный путь не остановится, многіе готовы были подставить ему ногу.

Вотъ почему, передавая то или другое изъ постигшихъ его въ Тамбовѣ злоключеній, Булгаковъ, внимая взрывамъ дружнаго и неудержимаго смѣха своей всегда многочисленной аудиторіи, съ комическимъ отчаяніемъ восклицалъ:

— Да, вамъ хорошо смѣяться! А мнѣ-то каково было все это переживать? Вѣдь и тамъ, наверху, тоже смѣялись, а между тѣмъ нѣтъ, нѣтъ, да и замѣтятъ подъ сурдинкой:

— Что это все именно у васъ только случается, Петръ Алексѣевичъ?

— На словахъ-то какъ будто это и ничего, а на дѣлѣ чуть не потерей мѣста пахнетъ!

Изъ переданныхъ имъ въ то время анекдотовъ у меня особенно врѣзался въ память одинъ, который, кромѣ самого Булгакова, едва не поплатившагося за него своимъ губернаторскимъ мѣстомъ, со смѣхомъ передавалъ и губернскій предводитель Іоргельскій, бывшій въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при Булгаковѣ.

Въ тѣ далекія времена, когда провинція чуть не непроходимыми дебрями была отдалена отъ обѣихъ столицъ,—въ деревняхъ засиживались и заживались чуть не до полнаго отупѣнія, и были помѣщики, въ теченіе цѣлой долгой жизни своей не знавшіе никакой поѣздки, кромѣ отъѣзжаго поля, и никакихъ развлеченій, кромѣ болѣе или менѣе фундаментальныхъ выпивокъ и кутежей въ обществѣ своихъ же приказчиковъ или мѣстнаго церковнаго причта. Надъ такими помѣщиками подтрунивали ихъ сосѣди, ихъ немилосердно дурачили старосты и управляющіе, и въ рѣдкихъ появленіяхъ ихъ на дворянскихъ выборахъ вокругъ нихъ группировались охотники до удобныхъ и дешевыхъ развлеченій.

Одинъ изъ такихъ помѣщиковъ, нѣкто Протасьевъ, безвыѣздно прожившій нѣсколько лѣтъ сряду въ Шацкомъ уѣздѣ и совершенно случайно очутившійся на дворянскихъ выборахъ, сразу обратилъ на себя вниманіе своимъ необычнымъ, чуть не звѣреобразнымъ видомъ. Борода у него сливалась съ густыми бакенбардами и начиналась чуть не отъ самыхъ глазъ, сѣдые кудри на головѣ образовали густую, своеобразную шапку, и, весь обросшій волосами, съ громовымъ, какъ изъ трубы вырывавшимся, голосомъ, онъ являлъ собою нѣчто среднее между совершенно одичавшимъ человѣкомъ и хорошо выдрессированной обезьяной...

Это случилось въ бытность Булгакова тамбовскимъ губернаторомъ, и онъ, при мнѣ передававшій этотъ траги-комическій случай, вздымая руки къ небу, съ комическимъ паѳосомъ восклицалъ:

— Чудище какое-то было, а не человѣкъ! Только что не лаялъ и не кусался!!.

Къ довершенію всеобщаго восторга, Протасьевъ явился на выборы въ старинномъ кавалерійскомъ мундирѣ, давнымъ-давно отмѣненномъ, съ какими-то необычайными выпушками и петлицами и съ такими коротенькими фалдочками, которыя при его солидной корпуленціи придавали ему исключительно карикатурный видъ.

Нечего и говорить, что при общей склонности скучающей провинціи повеселиться на чужой счетъ Протасьевъ быстро сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія. Обратилъ на него вниманіе и Булгаковъ, къ которому онъ любезно явился, какъ самъ онъ выражался, для «отданія чести».

— Въ первую минуту я испугался,—повѣствовалъ Булгаковъ:— затѣмъ несказанно удивился, а затѣмъ у меня сжалось сердце, какъ бы въ предчувствіи какой-то невѣдомой бѣды.

— Пророческое это оказалось чувство!— продолжалъ Булгаковъ.—Чуяло мое сердце, что какой-нибудь тамбовскій «артикулъ» надвигается! Такъ оно и вышло.

Окончились выборы, начались всегда сопряженные съ ними балы и собранія, и на одномъ изъ офиціальныхъ обѣдовъ, данныхъ въ чью-то честь, появился и Протасьевъ въ своемъ допотопномъ мундирѣ. Съѣдено было все, что возможно, выпито было сверхъ всякой мѣры, и, разбившись на группы, гг. дворяне отдались веселой и непринужденной бесѣдѣ. Зашелъ разговоръ о томительной скукѣ деревенской жизни, и Протасьевъ, расчувствовавшись, принялся сокрушаться о томъ, что жизнь его проходитъ въ бездѣйствіи и что даже отечеству онъ пользы не приноситъ.

— Что жъ вы не служите, Иванъ Дмитріевичъ?—участливо замѣтилъ какой-то балагуръ.—Мало ли пользы вы могли бы принести на государственной службѣ?

— Такъ-то оно такъ!—самодовольно возразилъ Протасьевъ, не на шутку убѣжденный въ томъ, что отъ его службы отечество получило бы громадную пользу:—такъ-то оно такъ-съ, да изволите ли видѣть, для того, чтобы заполучить подходящее мѣсто, кланяться надо, а я кланяться не умѣю-съ! Да и почемъ я знаю, здѣсь-то сидя-съ, какія такія мѣста вакантныя имѣются? По нынѣшнему времени много всего новаго учреждено, а я, признаться сказать, кромѣ своей военной службы, ни съ какой иной и не знакомъ вовсе!

— Это ничего не значитъ!—продолжалъ балагуръ;—познакомиться недолго, вы человѣкъ способный, служатъ же другіе?.. Опять же и такія мѣста имѣются, на которыхъ и знаній никакихъ особыхъ не полагается!

— А какія же бы къ примѣру?—заинтересовался Протасьевъ.

— Да вотъ хоть бы фрейлинское мѣсто! Чего легче?—не сморгнувъ предложилъ балагуръ.—Всего только и требуется, что представительная наружность и старинный дворянскій гербъ.

— На этотъ счетъ!..—пріосанившись, пожалъ плечами Протасьевъ и гордо добавилъ —Въ Бархатную книгу нашъ родъ при матушкѣ Екатеринѣ занесенъ.

— Ну, чего же вамъ лучше? И подавайте съ Богомъ прошеніе.

— Да я, право, не знаю, какъ это дѣлается? И на чье именно имя должно быть подано прошеніе?

— А прямо на высочайшее имя валяйте. Чего вамъ бояться? Не дурного чего-нибудь домогаетесь, а пользу отечеству принести желаете.

— И такъ прямо и писать?

— Такъ прямо и пишите! Такъ и такъ молъ, желаю занять первую имѣющую очиститься фрейлинскую вакансію, а ежели въ

данную минуту таковой не имѣется, то прошу меня первымъ кандидатомъ зачислить.

— А бумаги какія-нибудь приложить слѣдуетъ? — дѣловымъ тономъ освѣдомился Протасьевъ, окончательно вошедшій во вкусъ будущей служебной карьеры.

— Да, конечно! Во-первыхъ, необходима выписка изъ дворянскихъ книгъ, а затѣмъ указъ объ отставкѣ.

Протасьевъ съ дѣловымъ видомъ занесъ все это въ свою записную книжку, и на другой же день, запасшись нѣсколькими листами гербовой бумаги, накаталъ прошеніе на высочайшее имя о зачисленіи его во фрейлины. Къ этому необычайному прошенію онъ приложилъ послужной списокъ о нахожденіи его много лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, а равно и указъ объ отставкѣ.

Булгаковъ ничего этого не зналъ и не подозрѣвалъ, и по окончаніи выборовъ только что вздохнулъ свободно, какъ внезапно послѣдовалъ экстренный вызовъ его въ Петербургъ, присланный съ нарочно прискакавшимъ фельдъегеремъ.

Булгаковъ растерялся. Онъ чувствовалъ, что надъ нимъ собирается какая-то гроза, но съ которой стороны—понять не могъ.

Наскоро сдѣлавъ нужныя распоряженія на время своего отсутствія, онъ помчался въ Петербургъ, гдѣ былъ встрѣченъ министромъ внутреннихъ дѣлъ громкимъ восклицаніемъ:

— Скажите вы мнѣ ради Бога, что у васъ въ губерніи безумные, что ли, живутъ? Такъ вы бы ихъ на цѣпь сажали!

Булгаковъ попытался добиться болѣе подробнаго разъясненія дѣла, но министръ направилъ его къ шефу жандармовъ, а тотъ отослалъ его къ министру двора. У этого послѣдняго только злополучный губернаторъ обрѣлъ знаменитое прошеніе Протасьева, съ приложеніемъ его послужного списка и указа объ отставкѣ.

Ударъ былъ такъ неожиданъ и сопоставленіе фрейлинскаго званія съ фигурой обросшаго волосами стараго помѣщика было такъ необычно, что ошеломленный Булгаковъ едва могъ удержаться отъ порыва безумнаго смѣха.

Онъ какъ могъ описалъ министру образъ кандидата во фрейлины, что вызвало на лицѣ разгнѣваннаго министра невольную улыбку.

— Что жъ это ему вздумалось?—пожимая плечами, спросилъ министръ.

— И придумать не могу, ваше сіятельство!—отвѣчалъ Булгаковъ.—Научили его, подшутилъ кто-нибудь надъ нимъ, а онъ и повѣрилъ!

— Нашли чѣмъ шутить?..—опять вскипѣлъ министръ!—Нашли надъ чѣмъ потѣшаться! Вѣдь прошеніе-то это дурацкое прямо въ руки къ государю угодило!.. Вы знаете, что онъ самъ любитъ

иногда разбираться въ этихъ прошеніяхъ. Онъ думаетъ, что не все до него доходитъ, что отъ него скрываютъ какія-нибудь злоупотребленія, въ которыхъ ему необходимо лично разобраться. Вотъ и разобрался!! Положимъ, теперь-то гнѣвъ его почти прошелъ, и не далѣе какъ вчера онъ громко и долго хохоталъ надъ этимъ вашимъ «кандидатомъ», а на первыхъ порахъ мы здѣсь всѣ не знали, куда дѣваться!.. Рѣчь шла и объ оскорбленіи дворянства, и объ оскорбленіи величества!!.

— Что жъ теперь дѣлать?—спросилъ Булгаковъ.

— Да вы у своего министра были?

— Былъ.

— А у шефа жандармовъ были?

— И у него былъ! Онъ меня и послалъ къ вашему сіятельству.

— Благодарю покорно! Я-то тутъ при чемъ? Меня только потому и припутали къ этому дурацкому дѣлу, что вашей этой старой обезьянѣ придворный чинъ понадобился! Во фрей-ли-ны!— съ разстановкой воскликнулъ министръ.—Во фрей-ли-ны!!! вѣдь выдумаетъ же, чучело гороховое!!! Ниоткуда, кромѣ Тамбовской губерніи, не поступитъ такого прошенія!

Вся эта исторія окончилась ничѣмъ, благодаря только защитѣ вліятельныхъ родственниковъ жены Булгакова.

Зная, какой онъ изумительный разсказчикъ, Кутайсовы, при посредствѣ шефа жандармовъ, добились личной аудіенціи Булгакову у государя, который, начавъ со строгаго окрика по адресу злополучнаго губернатора, кончилъ тѣмъ, что отъ души смѣялся представляя себѣ, по описанію Булгакова, фигуру «кандидата во фрейлины».

Немало смѣялась и императрица, которой государь не только разсказалъ этотъ необычайный эпизодъ, но и самого Булгакова представилъ, съ его мастерскимъ и уморительнымъ разсказомъ.

— Злодѣи, прямо-таки злодѣи!..—съ комическимъ ужасомъ вспоминалъ Булгаковъ своихъ бывшихъ мучителей, дѣйствительно доставлявшихъ ему немало горькихъ и безпокойныхъ минутъ.

Такъ, одна изъ тамбовскихъ помѣщицъ, согласно его разсказу, пріѣхавъ въ Тамбовъ съ цѣлью увидать ожидавшагося тамъ проѣздомъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, который пробылъ тамъ три дня,—напрасно летала всѣ три дня изъ конца въ конецъ Тамбова, стараясь гдѣ-нибудь хоть случайно увидать великаго князя. Ничто ей не помогало и до самой минуты отъѣзда наслѣдника ей не удалось даже издали увидать его.

Наступила самая минута отъѣзда цесаревича.

Онъ уже сѣлъ въ поданный ему экипажъ, и нарядный ямщикъ уже натянулъ вожжи, чтобы пустить лихую тройку во весь карьеръ, когда злополучная помѣщица, и на этотъ разъ опоздавшая, въ по-

рывѣ отчаянія вскочила во весь ростъ въ своемъ тарантасѣ и что было мочи крикнула:

— Александръ Николаевичъ!!. Александръ Николаевичъ!!.

Наслѣдникъ вздрогнулъ и обернулся.

Булгаковъ, блѣдный, какъ смерть, бросился въ сторону такъ дерзко раздавшагося голоса, а бравая помѣщица, стоя во весь ростъ въ своемъ допотопномъ тарантасѣ, и видя, что наслѣдникъ услыхалъ ея голосъ и обернулся на него, усердно размахивала огромнымъ доморощеннымъ бѣлымъ платкомъ и, вся расплывшись въ радушную улыбку, кланялась, кланялась безъ конца...

Другая помѣщица въ августѣ вознамѣрилась подать просьбу государю и съ этой цѣлью изготовила форменное прошеніе на существовавшей тогда бумагѣ, именовавшейся «по титулѣ», и на которой крупными буквами пропечатанъ былъ титулъ государя, начинавшійся словами: «Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Всеавгустѣйшій Монархъ». Но подать этого прошенія въ желаемый срокъ почему-то не могла, а въ сентябрѣ купить новый листъ гербовой бумаги уже пожалѣла, и, переписывая собственноручно титулъ, догадливо замѣнила слово: «Всеавгустѣйшій» словомъ: «Всесентябрѣйшій», такъ какъ подала она прошеніе въ сентябрѣ.

И опять негодованіе въ подлежащемъ министерствѣ, и опять роковой вопросъ Булгакову:

— Да что у васъ тамъ? Сумасшедшіе, что ли, живутъ?

Въ бытность Булгакова калужскимъ губернаторомъ, въ районѣ Калужскаго уѣзда проживала знаменитая Вѣра Михайловна Чернова, составившая себѣ громкую извѣстность своимъ процессомъ съ мужемъ, которому отправлена была въ Москву адская машина.

Иванъ Андреевичъ Черновъ, архимилліонеръ и человѣкъ безъ всякаго образованія, влюбился проѣздомъ въ дочь смотрителя почтовой станціи и, не добившись инымъ путемъ ея благосклонности, порѣшилъ жениться на ней.

Особеннаго счастія супружество это не дало ни мужу, ни женѣ. Ему скоро надоѣла непривычная обстановка семейной жизни, и онъ возобновилъ свои широкіе кутежи, удобные при холостой жизни и совершенно непримѣнимые въ семейномъ домѣ. Отсюда ссоры, оканчивавшіяся самыми грубыми и возмутительными выходками пьянаго мужа и самымъ ярымъ протестомъ въ конецъ измученной жены.

О характерѣ и направленіи Чернова можно судить по тому факту, что онъ съ цѣлью «развлечься» и «попробовать свою силу» самъ лично на бойнѣ убивалъ быковъ существовавшимъ тогда варварскимъ способомъ удара обухомъ въ лобъ. Жену онъ заставлялъ не только присутствовать при всѣхъ устраиваемыхъ имъ оргіяхъ, но требовалъ еще, чтобы она и пила вмѣстѣ съ его гостями, всегда выбираемыми имъ въ самыхъ низкихъ слояхъ общества, не брезгуя

и собственными крѣпостными людьми, когда они подходили подъ его требованія и могли пьянствовать по нѣсколько дней безостановочно.

Выносить такую жизнь молодой женщинѣ было трудно, и, возмущенная своей домашней обстановкой, Вѣра Михайловна выразила желаніе жить отдѣльно вмѣстѣ съ маленькими дѣтьми, которыхъ въ то время было уже трое. Черновъ отказалъ ей въ отдѣльномъ видѣ и услалъ ее изъ Москвы, гдѣ у него на Моросѣйкѣ былъ цѣлый кварталъ домовъ, расположенныхъ въ переулкѣ, который такъ и носилъ названіе Черновскаго переулка.

Онъ отправилъ ее въ свое калужское имѣніе Грабцево, поселивъ ее тамъ навсегда и только на этомъ условіи соглашаясь дать ей отдѣльный видъ на жительство. Она на это не согласилась и, уѣхавъ въ Калугу, поселилась въ домѣ, принадлежавшемъ ея мужу и являвшемъ собою чуть не дворецъ. Домъ этотъ славился на всю губернію, и въ немъ проѣздомъ черезъ Калугу останавливался императоръ Александръ Благословенный.

Черновъ, немедленно прибывъ въ Калугу, обратился къ губернатору, прося его выселить жену изъ его дома, и, получивъ отказъ отъ Булгакова, отправился въ Москву и немедленно послалъ въ вѣдомство императрицы Маріи заявленіе о томъ, что онъ калужскій домъ свой жертвуетъ на нужды этого вѣдомства и проситъ, чтобы немедленно командировано было лицо для пріема отъ него этого дара. Тамъ чрезвычайно обрадовались такому богатому приношенію, и Вѣра Михайловна съ дѣтьми поневолѣ должна была уступить и уѣхать въ деревню, такъ какъ больше ей ѣхать было некуда.

Черновъ назначилъ ей опредѣленную сумму на содержаніе и отдалъ въ ея распоряженіе домъ съ большимъ паркомъ и истинно царской обстановкой. Въ деревенскомъ домѣ села Грабцева было свыше 20 комнатъ, роскошно обставленныхъ, зала была въ два свѣта, вся меблировка выписана была къ свадьбѣ Ивана Андреевича изъ Петербурга, и все это дополнялось роскошнымъ паркомъ съ прекрасными цвѣтниками и такими оранжереями, которымъ могъ бы позавидовать любой дворецъ.

Поселившись тамъ поневолѣ, молодая Чернова не имѣла даже свободнаго выѣзда изъ деревни, какъ аргусами охраняемая довѣренными людьми мужа, не позволявшаго ей отлучаться изъ имѣнія.

О поступкахъ молодой женщины и образѣ ея жизни стали ходить самые непохвальные слухи, домъ ея съ утра до ночи былъ переполненъ гостями, среди которыхъ никогда нельзя было встрѣтить ни одной женщины, и Черновъ, до котораго стороной доходили не совсѣмъ утѣшительныя извѣстія, лично пріѣхалъ въ Грабцево, чтобы предупредить жену, что ничего подобнаго онъ терпѣть не желаетъ, и въ случаѣ повторенія подобныхъ слуховъ приметъ свои мѣры, чтобы «унять» ее. Она молча выслушала его горькую нотацію, но образа дѣйствій своихъ все-таки не измѣнила...

Наступило время ополченія.

Въ Калужской губерніи оказалось одной дружиной больше, нежели во всѣхъ губерніяхъ ополчившейся Россіи, благодаря тому, что чѣмъ-то провинившійся князь С. В. Кочубей, чтобы вновь попасть въ милость, обмундировалъ и вооружилъ на свой счетъ особую стрѣлковую дружину, расположивъ ее для обученія въ принадлежавшемъ ему извѣстномъ селѣ Троицкомъ, съ знаменитой бумажной фабрикой.

Красавецъ Кочубей увеличилъ собой контингентъ мѣстныхъ кавалеровъ, его стрѣлковые офицеры помогли ему въ устройствѣ нѣсколькихъ блестящихъ праздниковъ, балы слѣдовали за балами, пикники смѣнялись пикниками, и Вѣра Михайловна Чернова, нигдѣ не бывавшая и никуда не приглашаемая, тѣмъ не менѣе заставляла все больше и больше говорить о себѣ.

Между прочимъ, много говорили о постоянныхъ посѣщеніяхъ села Грабцева княземъ С. В. Кочубеемъ, который упорно опровергалъ эти слухи и увѣрялъ всѣхъ, что не только не бываетъ у Черновой, но и не видалъ ее никогда.

Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, когда внезапно пришло въ Калугу извѣстіе о дерзкомъ покушеніи на убійство въ Москвѣ Ивана Андреевича Чернова, получившаго отъ неизвѣстнаго таинственный ящикъ, на крышкѣ котораго написано было: «документы», и который оказался ловко сфабрикованной адской машиной.

Отъ взрыва, происшедшаго при вскрытіи таинственнаго ящика, присутствовавшій при этомъ квартальный надзиратель получилъ опасную рану, одинъ изъ вызванныхъ понятыхъ былъ убитъ наповалъ, а самъ Черновъ, отбѣжавъ въ моментъ взрыва къ входной двери, получилъ серьезную рану въ голову.

Оказалось, что таинственный ящикъ доставленъ былъ на дебаркадеръ Николаевской желѣзной дороги какимъ-то очень прилично одѣтымъ молодымъ человѣкомъ, который, взявъ билетъ перваго класса до Москвы и поставивъ принесенный имъ съ собою ящикъ подъ занятое имъ раскидное кресло, вышелъ затѣмъ на платформу и въ вагонъ болѣе не возвратился.

Когда по прибытіи въ Москву ящикъ былъ найденъ въ вагонѣ, то, прочитавъ на крышкѣ подробный адресъ И. А. Чернова, кондукторъ желѣзнодорожной бригады, хорошо знавшій безпрестанно проѣзжавшаго по линіи Чернова, взялся доставить адресату такъ опрометчиво оставленную въ вагонѣ посылку.

Черновъ никакихъ документовъ ниоткуда не ждалъ, и сдѣланная на посылкѣ надпись не внушила ему никакого довѣрія. Отсюда тѣ предосторожности, какія онъ нашелъ нужнымъ принять и благодаря которымъ онъ остался въ живыхъ, такъ какъ ударъ былъ настолько силенъ, что выбиты были въ домѣ всѣ рамы, исковерканы всѣ двери, и серьезно пострадали двѣ сосѣднихъ постройки.

Началось слѣдствіе, на первыхъ порахъ не давшее никакихъ положительно результатовъ.

Самого Чернова допрашивать было нельзя, по причинѣ его почти безнадежнаго состоянія, такъ какъ за сильной контузіей головы у него послѣдовало воспаленіе мозга,—а изъ постороннихъ дѣлу лицъ никто не могъ дать ни малѣйшаго объясненія.

Смутно ходили слухи объ участіи въ дѣлѣ покушенія на жизнь Чернова его молоденькой красавицы жены, но она такъ тихо и безмятежно сидѣла въ своемъ Грабцевѣ съ маленькими дѣтишками, что никакого серьезнаго повода къ привлеченію ея къ дѣлу не представлялось.

Булгаковъ, котораго стоустая молва причисляла къ ея болѣе нежели короткимъ знакомымъ, самъ былъ въ ея имѣніи, чтобы произвести нѣсколько предварительныхъ развѣдокъ, и уѣхалъ, вполнѣ убѣжденный, что она ни при чемъ во всей этой горькой исторіи.

Такъ прошло и окончилось лѣто, всѣ калужскія дружины успѣли выступить, когда при обыскѣ, по истеченіи слишкомъ трехъ мѣсяцевъ произведенномъ у В. М. Черновой по настоянію ея мужа, найдена была записка, подписанная именемъ «Сергѣй» и ясно указывавшая на дѣятельное участіе ея автора въ таинственномъ дѣлѣ объ адской машинѣ.

Сергѣй было имя князя Кочубея; онъ, по слухамъ, былъ постояннымъ посѣтителемъ, хотя и негласнымъ, Грабцева, и этого довольно было, чтобы возбудить противъ него серьезное подозрѣніе.

Въ ту минуту онъ съ дружиной своей находился уже на Инкерманскихъ высотахъ, и къ нему туда командированъ былъ чиновникъ для отобранія отъ него подробныхъ свѣдѣній по этому дѣлу.

Сама же Чернова тѣмъ временемъ была арестована и препровождена въ Москву, гдѣ и содержалась сначала при Тверскомъ полицейскомъ управленіи, а затѣмъ переведена была въ мѣстный острогъ, носящій названіе Бутырскаго замка.

Томясь въ строгомъ заточеніи, Чернова представляла собой очень курьезный, чисто театральный образъ. Она ходила въ черномъ платьѣ съ длиннымъ траурнымъ шлейфомъ, носила на головѣ фантастическую наколку изъ черныхъ кружевъ, и иначе не появлялась въ камерахъ судебныхъ слѣдователей, какъ съ чернымъ бархатнымъ молитвенникомъ въ рукахъ, на которыхъ всегда висѣли длинныя черныя четки.

Кочубей, страшно перепуганный привлеченіемъ его къ отвѣтственности по такому вопіющему дѣлу, клятвенно завѣрялъ допрашивавшаго его слѣдователя, что онъ никогда въ глаза не видалъ Чернову, и не только не принималъ ни малѣйшаго участія въ покушеніи на убійство какого-то невѣдомаго ему господина, но и имени его никогда въ жизни не слыхалъ.

За Кочубея вступился родной племянникъ его, графъ Григорій Строгановъ, въ то время уже женатый на великой княгинѣ Маріѣ Николаевнѣ, и приняты были самыя энергичныя мѣры къ раскрытію истины.

Это удалось сдѣлать только спустя три или четыре мѣсяца, и при этомъ выяснилась полная невиновность Кочубея, подъ именемъ котораго являлся въ Грабцево совершенно другое лицо, а именно рязанскій помѣщикъ Телепневъ, знакомый съ Черновой еще до ея замужества и согласившійся путемъ преступленія избавить ее отъ ненавистнаго брака, съ тѣмъ условіемъ, что, овдовѣвъ, Вѣра Михайловна тотчасъ же обвѣнчается съ нимъ, предварительно выдѣливъ ему милліонъ рублей изъ громаднаго состоянія мужа.

Мнимый пассажиръ, доставившій адскую машину на дебаркадеръ Николаевской дороги, былъ наемный камердинеръ Телепнева, получившій на свою «услугу» крупное вознагражденіе и тотчасъ послѣ ловкаго разслѣдованія дѣла откровенно во всемъ сознавшійся. Равнымъ образомъ сознался во всемъ и разысканный и арестованный Телепневъ, на очной ставкѣ безпощадно уличавшій свою сообщницу и внезапно отказавшійся подтвердить свое смѣлое обвиненіе послѣ того, когда, съ личнаго разрѣшенія судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, онъ имѣлъ возможность съ глазу на глазъ переговорить съ Черновой.

— Я оклеветалъ ее!.. Она ни въ чемъ не виновата!—сказалъ онъ послѣ этого разговора.—Я совершенно отказываюсь отъ всего мною передъ этимъ высказаннаго и сознаюсь, что дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ, движимый чувствомъ давнишней злобы и мести.

Съ этого новаго показанія онъ уже не сошелъ, и смѣло и безпрекословно перенесъ и позоръ публичной казни, и ссылку въ каторжныя работы, ни однимъ словомъ не обвинивъ и не оскорбивъ В. М. Чернову.

Послѣ такого благопріятнаго для нея оборота дѣла Чернова, продолжавшая все-таки находиться подъ арестомъ, стала усиленно добиваться свиданія съ мужемъ, здоровье котораго снова начало подавать поводъ къ серьезнымъ опасеніямъ. Она писала къ мужу, но письма ея, пересылавшіяся черезъ прокурорскую камеру, возвращались ей не распечатанными, и И. А. Черновъ наотрѣзъ объявилъ, что не только видѣться съ женой не хочетъ, но и имени ея слышать не желаетъ.

Она прибѣгла къ помощи духовника больного, который зналъ ее давно, и добилась наконецъ того, что была допущена къ мужу, согласившемуся принять ее не иначе, какъ въ присутствіи двухъ докторовъ. Она вошла въ комнату мужа въ своемъ полутеатральномъ костюмѣ, блѣдная, робкая и покорная, и, опустившись на колѣни передъ кроватью умирающаго, обливаясь слезами, упросила его, чтобы онъ выслушалъ ее наединѣ.

Тотъ долго не соглашался, и, когда наконецъ свидѣтели этой тяжелой сцены были удалены и супруги остались съ глазу на глазъ, то произошло то же, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ произошло съ Телепневымъ.

Черновъ снялъ съ жены всякій оговоръ и всякое подозрѣніе, и согласился отпустить ее въ тотъ вечеръ обратно въ тюрьму только подъ тѣмъ условіемъ, что на слѣдующій день она будетъ выпущена на свободу съ залогомъ въ 100,000 рублей, которые онъ тутъ же сдѣлалъ распоряженіе внести на слѣдующее утро.

Весь этотъ необычайный процессъ сильно заинтересовалъ общество, и государь приказалъ ежедневно докладывать ему о ходѣ розысковъ, при чемъ подробности, касавшіяся лично до Черновой (въ настоящее время уже умершей), раскрыли такую необычайную картину распущенности нравовъ, что одно изъ очень высокопоставленныхъ лицъ спеціально пріѣзжало изъ Петербурга, чтобы воочію взглянуть на эту новую Клеопатру.

Не входя въ подробности того, что раскрыло ближайшее разслѣдованіе всѣхъ ея поступковъ, довольно будетъ сказать, что число признанныхъ и неопровержимо доказанныхъ ея увлеченій дошло до 48, при чемъ во избѣжаніе скандала исключены были изъ составленнаго списка мѣстные губернскій и уѣздный предводители, два или три уѣздныхъ дружинныхъ начальника, слишкомъ близкій ей родственникъ и еще нѣсколько лицъ, великодушно пощаженныхъ слѣдователемъ, которому поручено было это интересное дѣло.

Наравнѣ съ многочисленностью поражало въ этомъ спискѣ и разнообразіе избранниковъ калужской Мессалины.

Тутъ были и князья, и графы, и простые лакеи, и случайно попавшіе на работу столяры и плотники, словомъ, «не процессъ, а какое-то столпотвореніе вавилонское», какъ выражался Булгаковъ, описывая эту интересную страницу его калужской служебной дѣятельности.

Сканчальная хроника Калуги и его имя припутывала къ длинному перечню счастливцевъ, но онъ отъ этого всѣми силами открещивался.

Ар стъ Вѣры Михайловны, увезенной въ Москву спеціально прибывшимъ за нею жандармскимъ полковникомъ Войековымъ, при ассистентѣ Цвеленевѣ, а затѣмъ развитіе и оригинальное окончаніе ея дѣла—долгое время занимали все русское общество, но... путемъ всеспльныхъ денегъ все въ мірѣ очищается и стушевывается, и впослѣдствіи Вѣра Михайловна Чернова, похоронившая мужа, который оставилъ почти исключительно ей одной все свое громадное состояніе, вышла замужъ за титулованнаго господина [1]) и сдѣлалась богатой петербургской домовладѣлицей. Въ общество она, строго

[1]) Графъ Стенбокъ-Ферморъ.

говоря, не вошла, да она и не особенно гналась за этимъ. Года наложили на нее печать спокойствія и сдержанности и святость второго своего брака она едва ли нарушила.

Калуга въ описываемую мною эпоху усиленно веселилась, и среди шума и блеска баловъ и собраній забывались тяжелыя неудачи, переносимыя Россіей на полѣ брани.

Слишкомъ усердное веселье старались оправдать тѣмъ, что всѣ почти балы и концерты устраивались въ пользу вдовъ и сиротъ погибшихъ воиновъ, и, по мѣткому выраженію Булгакова, устраивались не балы, а «тризны», и пѣли и плясали «за упокой».

Въ это время съ горячимъ восторгомъ и глубокимъ почетомъ встрѣчались всѣ возвращавшіеся больные и раненые офицеры и моряки, и восторгъ этотъ, не всегда разумный, подавалъ иногда поводъ къ комичнымъ недоразумѣніямъ.

Такъ, когда во время одного изъ благотворительныхъ концертовъ въ залѣ показался господинъ въ мундирѣ, съ рукой на перевязи и опиравшійся на костыль, то вся зала встрѣтила его бурей восторженнымъ аплодисментовъ, заставившихъ его сначала мучительно покраснѣть, а затѣмъ обратиться въ бѣгство, сильно затрудненное его костылемъ. Всѣ были тронуты доблестной скромностью «героя», а когда дѣло разъяснилось, то на повѣрку оказалось, что «доблестный герой» былъ интендантскій чиновникъ московскаго вещевого склада Крюковъ, за двѣ или за три недѣли передъ тѣмъ вывалившійся изъ экипажа и едва не сломавшій себѣ при этомъ руки и ноги.

— Это ужъ по-тамбовски!..—хохоталъ Булгаковъ, повѣствуя объ этомъ «легкомъ недоразумѣніи».

Чтобы покончить съ злоключеніями Булгакова на посту тамбовскаго губернатора, припомню еще эпизодъ съ извѣстнымъ и хорошо памятнымъ въ музыкальномъ мірѣ княземъ Юріемъ Николаевичемъ Голицынымъ.

Голицынъ—знатный, богатый, красавецъ собой и музыкантъ, какихъ и до него и послѣ него было мало на Руси, въ 28 лѣтъ былъ избранъ предводителемъ дворянства, и, несомнѣнно, и дальше шелъ бы такъ же бойко и широко по жизненному пути, ежели бы не увлекся хорошенькой женщиной.

Увлеченіе это стоило ему большихъ денегъ, и жена его, принадлежавшая къ высшей петербургской аристократіи, оказалась вынужденной обратиться къ защитѣ правительства, чтобы обуздать безумныя траты мужа. Надъ Голицынымъ учреждена была опека за расточительность, постъ предводителя дворянства отошелъ отъ него, и на его личныя издержки назначена ему была довольно ограниченная сумма денегъ, которой другому, пожалуй бы, и достало на скромную жизнь, но Голицынъ скромно жить не умѣлъ и не хотѣлъ, и нашелъ себя вынужденнымъ принять мѣры къ увеличенію своихъ

прямыхъ доходовъ. Мѣры эти оказались оригинальными, какъ и все, что придумывалъ и изобрѣталъ князь Юрій Николаевичъ, и спустя недѣлю или двѣ послѣ объявленія Голицыну высочайшаго повелѣнія объ ограниченіи его имущественныхъ правъ, въ одной изъ тамбовскихъ окраинъ, надъ дверями большого сарая съ двумя растворами появилась оригинальная вывѣска, гласившая:

«Продажа дегтю, рогожъ, гвоздей и прочаго товара, камергера двора Его Императорскаго Величества князя Юрія Николаевича Голицына».

Въ передней половинѣ лавки-сарая, надъ широкимъ его растворомъ, между шлеями и расписанными дугами, висѣли, кромѣ того, и связки сухихъ баранокъ, какъ бы свидѣтельствуя о желаніи оригинальной торговли самымъ широкимъ образомъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ обывателей.

Легко можно себѣ представить, какой скандалъ вызванъ былъ появленіемъ среди Тамбова такой вывѣски и такого «магазина».

Булгаковъ немедленно пріѣхалъ въ «дегтярную лавку», но какъ онъ ни уговаривалъ Голицына снять вывѣску и прикрыть торговлю, тотъ не согласился, и вывѣска снята была только по высочайшему повелѣнію, когда о вновь открытой оригинальной «торговлѣ» доведено было до свѣдѣнія государя.

Я лично знала князя Юрія Николаевича гораздо позднѣе, когда онъ былъ уже всемірно-извѣстнымъ музыкантомъ, и когда управляемому имъ хору восторженно внимали всѣ крупные города Стараго и Новаго свѣта.

Это была удивительно поэтическая, отзывчивая и въ высшей степени оригинальная натура, полная самыхъ бурныхъ порывовъ и самыхъ рѣзкихъ контрастовъ.

Старшаго сына своего, князя Евгенія, выросшаго и всегда жившаго при матери, князь Юрій мало зналъ и не особенно горячо любилъ, но зато боготворилъ младшаго, красавца Никса, сына, рожденнаго внѣ законнаго брака отъ женщины, въ теченіе долгихъ лѣтъ не разстававшейся съ княземъ и всюду за границей носившей его титулъ.

Много лѣтъ Никсъ считалъ себя княземъ, и когда, въ 1872 году, настала пора урегулировать его положеніе, то князь Юрій отправился въ Петербургъ для того, чтобы лично испросить согласіе старшаго сына своего на присвоеніе Никсу княжескаго титула, безъ всякихъ имущественныхъ правъ.

Онъ пріѣхалъ проститься со мной наканунѣ отъѣзда своего утромъ, неожиданно заѣхалъ еще поздно вечеромъ и, прощаясь со мной и по-товарищески обнимая меня, сказалъ:

— Вы знаете, зачѣмъ и къ кому я ѣду. Отъ результата этой поѣздки зависитъ вся жизнь моя. Удастся мнѣ уговорить и упросить сына—я вернусь къ вамъ сюда молодой и счастливый, съ запасомъ

новыхъ силъ и новой энергіи, не удастся—не вернусь вовсе! Силъ не хватитъ пережить такую неудачу!

Слова эти были пророческими.

Подробностей его свиданія съ сыномъ Евгеніемъ я не знаю, но полторы или двѣ недѣли послѣ его отъѣзда получено было извѣстіе о его кончинѣ въ одной изъ петербургскихъ гостиницъ, ежели не ошибаюсь—въ «Отель де-Франсъ».

Онъ умеръ отъ истощенія силъ, и лежалъ въ гробу блѣдный, худой, съ глубоко ввалившимися глазами, а уѣхалъ онъ отъ насъ могучимъ, сильнымъ гигантомъ, которому именно за его крупную и могучую фигуру присвоено было за границей прозваніе «абиссинскаго бога».

Князь Юрій не умѣлъ ни чувствовать, ни страдать въ половину... Это была цѣльная, крупная, могучая натура.

О дальнѣйшей судьбѣ его меньшаго сына мнѣ ничего не извѣстно; что же касается до князя Евгенія, то онъ умеръ, нося двойной титулъ князя Голицына графа Головкина, и, ежели не ошибаюсь, былъ нѣсколько причастенъ литературѣ.

Послѣ смерти князя Юрія въ печати появились его записки, до того перечеркнутыя, «исправленныя» и главное сокращенныя цензурой, что онѣ не представляли уже собой почти никакого интереса.

Я помню, какъ онъ самъ передавалъ намъ свою бесѣду съ покойнымъ редакторомъ-издателемъ «Голоса» А. А. Краевскимъ по поводу продажи ему записокъ еще при жизни своей. Онъ былъ особенно хорошо знакомъ съ Краевскимъ, и хотя не питалъ къ нему особаго уваженія, но былъ съ нимъ на короткой ногѣ и даже на «ты». И вотъ однажды, въ моментъ денежнаго кризиса,—а такихъ моментовъ въ жизни князя было очень много—онъ пріѣзжаетъ къ Краевскому и предлагаетъ продать ему для отдѣльнаго изданія полныя записки свои за долгій циклъ лѣтъ, и притомъ съ полными «собственными именами».

Краевскій былъ очень обрадованъ такимъ предложеніемъ.

Записки Голицына, да еще испещренныя собственными громкими именами... Да это была цѣлая фортуна для издателя!

— Я отрывками въ «Голосѣ» ихъ дамъ?...—заботливо замѣтилъ Краевскій.

— Хоть на стѣнкѣ у себя ихъ печатай, только заплати мнѣ за нихъ хорошенько. Деньги нужны по зарѣзъ!—отвѣтилъ Голицынъ.

— Ну, это разумѣется!—согласился Краевскій.

— А сколько ты мнѣ заплатишь за листъ?

— Ну, что тутъ толковать, сойдемся!

— Нѣтъ, уговоръ лучше денегъ. Ты назначь сколько?

— А ты что бы хотѣлъ взять?

— Да что съ тебя возьмешь? Дорого ты не дашь, я тебя знаю. Такъ и быть, для тебя возьму по 500 рублей.

— За листъ?!.

— Ну, конечно!

Краевскій и руками замахалъ.

Надо замѣтить, что въ тѣ далекія времена печатное слово, хотя имѣвшее несравненно болѣе значенія, нежели оно имѣетъ въ настоящую минуту, таксировалось далеко не такъ высоко, и Тургеневъ больше 500 за листъ никогда не получалъ.

— Да что ты!.. Помилуй! Какъ 500 рублей! Сколько же я Тургеневу-то заплачу?

— Да я думаю, что ровно ничего не заплатишь, потому что онъ ничего и продавать тебѣ не станетъ! Да не о Тургеневѣ рѣчь, а обо мнѣ. Покупаешь ты или нѣтъ мои записки?

— Конечно, конечно!.. Только не по такой же цѣнѣ!

— А я, братъ, дешевле не уступлю... Вѣдь самъ ты понимаешь, съ какимъ громаднымъ интересомъ онѣ прочитаются?

— Вѣрю... Вѣрю... Но все-таки 500 рублей. Самъ посуди. За что же? Я и по 200 рублей никогда почти ие плачу.

— А ты такъ и положи, по 200 за «записки», а по 300 накинь за скандалъ!.. Скандалъ-то, братъ, дороже таланта.

Сдѣлка, сколько мнѣ извѣстно, не состоялась, и Голицынъ укоризненно говорилъ, что съ этимъ «дойенъ д'аге» никогда пива не сваришь.

Прозвище «дойенъ д'аге» присвоено было Краевскому въ литературныхъ кружкахъ послѣ того, какъ онъ, пожелавъ перевести какую-то французскую критическую замѣтку и самымъ поверхностнымъ образомъ знакомый съ французскимъ языкомъ, принялъ чисто французское выраженіе doyen d'age за собственное имя, и перекрестилъ его въ «Дойенъ д'аге».

За долгіе годы моей принадлежности къ газетному дѣлу, при обязательномъ посѣщеніи мною, въ качествѣ присяжнаго рецензента, всѣхъ выдающихся спектаклей и концертовъ, мнѣ почти никогда не доводилось присутствовать при такомъ торжествѣ таланта, какимъ отмѣчалось каждое появленіе Голицына за капельмейстерскимъ пюпитромъ.

Никто не умѣлъ такъ слиться съ хоромъ и оркестромъ, какъ сливался съ ними Голицынъ, никто не умѣлъ ихъ такъ воодушевить и придать русской пѣснѣ тѣхъ тонкихъ нюансовъ, того задушевнаго колорита, какимъ блистало исполненіе ея подъ управленіемъ Голицына. Зато и такихъ сборовъ, какіе дѣлалъ онъ, Москва ни до, ни послѣ него никогда въ своихъ стѣнахъ не видала. Довольно сказать, что въ дни его зимнихъ концертовъ большая зала Дворянскаго собранія не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ его послушать, и что сверхъ проданныхъ билетовъ на нумерованныя мѣста громадныя толпы стояли въ дверяхъ и въ проходахъ, охотно оплачивая, по усиленной таксѣ, право стоя послушать неподражаемаго русскаго музыканта.

Его «Эй ухнемъ» и «Камаринская» послѣ него уже не повторились... Обѣ пѣсни въ концертномъ исполненіи умерли вмѣстѣ съ нимъ.

Послѣдній пріѣздъ его въ Петербургъ не былъ никому извѣстенъ. Онъ, какъ я уже сказала, пріѣхалъ по чисто семейному дѣлу, и, никого не желая посвящать въ его подробности, никому не далъ знать о своемъ прибытіи. Боленъ онъ не былъ совсѣмъ, пролежалъ въ постели одинъ только день, и внезапно подкравшаяся смерть застала врасплохъ и его самого, и всѣхъ окружающихъ. По телеграфу извѣщена была московская гостиница «Славянскій Базаръ», отмѣтка которой стояла на паспортѣ умершаго. Управленіе гостиницы, гдѣ онъ скончался, сдѣлало зависѣвшія отъ него распоряженія, а сынъ князя почему-то удовольствовался такимъ скромнымъ и краткимъ объявленіемъ въ одной или двухъ изъ петербургскихъ газетъ, что никому прочитавшему это скромное объявленіе и въ голову не пришло, что рѣчь идетъ о хорошо знакомомъ всей интеллигентной Россіи Юріи Голицынѣ, съ которымъ опускалась въ могилу крупная и яркая страница музыкальной исторіи Россіи. Безвѣстно и незамѣтно прошли всѣ отслуженныя у гроба панихиды, и скромно двинулась сравнительно чуть не бѣдная похоронная процессія по направленію къ кладбищу, когда внезапно, на поворотѣ одной изъ большихъ улицъ, почти наперерѣзъ процессіи остановился цѣлый рядъ поспѣшно подъѣхавшихъ съ разныхъ сторонъ экипажей, и артисты всѣхъ петербургскихъ театровъ стали поспѣшно выходить изъ каретъ и колясокъ.

Они только что узнали о кончинѣ и погребеніи Голицына и, бросивъ все, поспѣшили къ его гробу.

Драматическіе артисты смѣшались съ немногочисленной толпой, слѣдовавшей за гробомъ, а оперные, выстроившись стройными рядами, дружнымъ, за душу хватающимъ хоромъ запѣли «Святый Боже»... Они же, по прибытіи на кладбище, пропѣли и обѣдню и отпѣванье, и своими руками почтительно опустили въ могилу гробъ всѣмъ равно симпатичнаго человѣка и всѣми признаннаго крупнаго таланта,

Все это старая быль, успѣвшая давно «быльемъ порасти», которая плохо вяжется съ современными нравами и обычаями русскихъ театровъ. Теперь уже безъ приглашенія цѣлая труппа ни на чье въ мірѣ погребеніе не явится и чести опустить небогатый гробъ въ могилу—отстаивать не будетъ... Теперь на театральныя пажити налетѣли новыя птицы, съ новыми, незнакомыми пѣснями... Въ этихъ новыхъ пѣсняхъ практической смекалки больше, да зато прежней горячей души въ нихъ нѣтъ!

Въ Москвѣ извѣстіе о кончинѣ князя Голицына встрѣчено было съ искреннимъ, непритворнымъ горемъ, которое мнѣ лично было тѣмъ болѣе замѣтно, что я въ то время работала въ «Русскихъ

Вѣдомостяхъ», редакторъ которыхъ Николай Семеновичъ Скворцовъ былъ исключительно друженъ съ Голицынымъ и, зная его дружескую пріязнь ко мнѣ, поручилъ мнѣ и составленіе его некролога, и присутствіе, отъ имени редакціи, на заупокойной обѣднѣ, отслуженной братомъ почившаго въ одной изъ модныхъ церквей тогдашней Москвы.

Братъ покойнаго князя Юрія, князь Борисъ Николаевичъ, былъ живымъ контрастомъ умершаго, и отслуженная имъ заупокойная обѣдня, вмѣсто сочувственнаго отзыва, вызвала только порицанія по его адресу со стороны многочисленныхъ друзей князя Юрія.

Князь Борисъ Николаевичъ съ какимъ-то непонятнымъ осужденіемъ отнесся къ оставшейся не узаконенной семьѣ брата, что не помѣшало ему на той же заупокойной службѣ парадировать рядомъ съ Зинаидой Крюковой, доводившейся ему въ той же степени родства, за которую онъ такъ строго осудилъ другую женщину, всю жизнь свою прожившую съ его почившимъ братомъ и перенесшую съ нимъ всѣ его многочисленныя житейскія невзгоды.

Въ этомъ смыслѣ написана была мною статья въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», вызвавшая полемику со стороны князя Бориса, не испугавшую ни меня, ни Скворцова. Въ концѣ концовъ ему же пришлось извиняться передъ нами обоими и лицомъ къ лицу встрѣтиться съ порицаніемъ всей Москвы.

Позднѣе князю Борису—въ настоящую минуту уже умершему—пришлось фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ въ скандальномъ процессѣ по обвиненію въ довольно сложномъ вовлеченіи другихъ лицъ въ невыгодныя сдѣлки съ корыстной цѣлью.

Средствъ послѣ князя Юрія Николаевича не осталось положительно никакихъ, и мнѣ совершенно неизвѣстно, какъ удалось устроиться его осиротѣвшему, хотя и не легальному, но очень симпатичному семейству.

Неизвѣстно мнѣ также, кѣмъ были проданы и на чье иждивеніе были изданы записки Юрія Николаевича, знаю только, что интереса онѣ не представили собой почти никакого и успѣха не имѣли.

А. И. Соколова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА [1].

Графъ Соллогубъ.—Новаторство въ театральномъ мірѣ.—В. И. Родиславскій.—Петербургскій клубъ художниковъ.—Экспромты Минаева.—Графъ Вielьгорскій.—Моя первая повѣсть.—Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ.—А. Ѳ. Писемскій.—А. А. Майковъ.—Чрезмѣрная разсѣянность Юрьева.—Поэтъ Мей.

БЛАГОДАРЯ дружескимъ отношеніямъ съ княземъ Юріемъ Голицынымъ, я близко познакомилась съ извѣстнымъ писателемъ графомъ Соллогубомъ, авторомъ нашумѣвшаго въ свое время «Тарантаса». Соллогубъ прослушавъ мою первую по времени повѣсть «Самъ», готовившуюся въ «Русскій Вѣстникъ» и напечатанную въ «Бесѣдѣ» подъ редакторствомъ Юрьева, сказалъ мнѣ слѣдующія, хорошо мнѣ памятныя и пророчески вѣрныя слова:

— Талантъ у васъ есть, и серьезный талантъ, и успѣхъ у васъ беллетристическій впереди большой, но все это только при условіи серьезной работы, и главнымъ образомъ при томъ условіи, что вы не размѣняетесь на газетные пятаки, при которыхъ никакая беллетристика невозможна! Газетные пятаки всякій талантъ заѣдятъ... При нихъ никакой серьезный литературный успѣхъ не возможенъ!

И та газетная работа, которую онъ называлъ «газетными пятаками», сдѣлалась именно моимъ удѣломъ, и въ беллетристикѣ я заняла скромное мѣсто фельетоннаго романиста, которое хотя и дало мнѣ не мало денегъ, зато славы и извѣстности не дало и не могло дать никакой.

---

[1]) Продолженіе. «Ист. Вѣст.», т. CXXIII, стр. 919.

Графъ Соллогубъ, женатый на графинѣ Віельгорской, и какъ по себѣ лично, такъ и по женѣ своей принадлежавшій къ высшей столичной аристократіи, отличался большимъ остроуміемъ и... большою смѣлостью, чтобы не сказать — дерзостью сужденій, которыя онъ и высказывалъ громко, не останавливаясь ни нередъ кѣмъ и ни нередъ чѣмъ.

Позднѣе, когда я уже занимала прочное мѣсто въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ качествѣ единственнаго театральнаго фельетониста и музыкальнаго рецензента,—мнѣ часто приходилось встрѣчаться и много бесѣдовать съ графомъ въ домѣ Бѣгичевыхъ, гдѣ онъ былъ принятъ какъ свой человѣкъ. Эта близость не мѣшала графу ни строго критиковать распорядки театральнаго управленія, однимъ изъ главныхъ дѣятелей котораго былъ въ то время В. П. Бѣгичевъ, ни смѣло и зло смѣяться надъ слабыми сторонами московскаго Малаго театра.

Какъ теперь помню я, напримѣръ, какъ Соллогубъ въ одинъ изъ антрактовъ, стоя спиной къ барьеру оркестра и затыкая себѣ пальцами уши, воскликнулъ своимъ зычнымъ голосомъ, который слышенъ былъ изъ одного конца театральной залы въ другой:

— Обожаю оркестръ Малаго театра!.

Онъ, хорошій и настоящій знатокъ театра, сильно возставалъ противъ той реалистической школы, которая въ настоящее время всецѣло завладѣла русской сценой, и за которой Соллогубъ не признавалъ никакой серьезной заслуги дѣлу чистаго искусства. Новаторомъ въ этомъ дѣлѣ отчасти являлся и Бѣгичевъ, что часто дѣлалось предметомъ серьезныхъ и нескончаемыхъ споровъ между ними.

Во времена Львова контрактъ на поставку всѣхъ матерій на костюмы императорскихъ театровъ заключенъ былъ съ богатымъ и необыкновенно дорогимъ магазиномъ «Ревель», помимо котораго дирекція не имѣла уже права нигдѣ пріобрѣсти ни аршина какой бы то ни было матеріи. Въ итогѣ получались и необычайные счета, и необычайныя нелѣпости, въ родѣ того, напримѣръ, что въ пьесѣ «Быль молодцу не укоръ» молодая, въ то время, артистка Медвѣдева чуть не съ голоду умирала по пьесѣ на чердакѣ въ кашемировомъ платьѣ по 3 рубля аршинъ.

Надъ этимъ часто смѣялись и шутили, и Бѣгичевъ, проникнувшись справедливостью этихъ замѣчаній, разомъ ударился въ прямую противоположность и съ шелковъ и бархатовъ прямо порѣшилъ перейти къ дешевымъ ситцамъ русскаго фабричнаго производства. Отказавшись возобновить контрактъ съ «Ревелемъ», Бѣгичевъ вмѣстѣ съ управлявшимъ московской конторой Пельтомъ порѣшили строить костюмы хозяйственнымъ способомъ, и для перваго опыта попробовали преобразовать народные костюмы въ оперѣ «Жизнь за царя». До того времени весь хоръ крестьянъ

всегда выходилъ въ яркихъ канаусовыхъ рубашкахъ, и Бѣгичевъ, справедливо возставая противъ такой аномаліи, велѣлъ привезти себѣ изъ московскихъ ситцевыхъ фабрикъ образцы самыхъ яркихъ, въ глаза бросающихся ситцевъ. Образчики были доставлены, и привели непрактичнаго инспектора репертуара въ положительный восторгъ. Онъ тотчасъ же отобралъ нѣсколько особенно яркихъ и эффектныхъ ситцевъ и заказалъ изъ нихъ рубашки и сарафаны для хора.

Не останавливаясь на разумномъ пути экономіи, Бѣгичевъ съ Пельтомъ и штатъ портнихъ при театральной мастерской сократили до минимума, и шитье новоизобрѣтенныхъ ситцевыхъ рубашекъ сдали тѣмъ грошевымъ мастерицамъ, которыя шьютъ на такъ называемый «рынокъ» и поставляютъ товаръ на самыхъ простыхъ и невзыскательныхъ покупателей.

Наступилъ спектакль, въ который впервые приходилось обновить на императорской сценѣ ситцевыя рубашки. По этому поводу возгорѣлись самые ожесточенные споры. Одни находили, что странно и дико видѣть простой ситецъ и коленкоръ на сценѣ императорскаго театра, другіе, напротивъ, находили смѣшнымъ и дикимъ до тѣхъ поръ практиковавшійся способъ костюмировки, благодаря которому всѣ крестьяне и крестьянки небогатаго костромского села, да еще вдобавокъ въ старые годы, являлись выфранченными въ атласъ и бархатъ.

Доставленъ былъ своеобразными швеями заказанный транспортъ ситцевыхъ рубашекъ и холщевыхъ паневъ, и когда хоръ появился въ этой дотолѣ невиданной аммуниціи на сценѣ, то какъ Бѣгичевъ, такъ и Пельтъ пришли въ неописанный восторгъ. Цвѣта все были яркіе, не хуже атласа и канауса, глянцовитые ситцы блестѣли и отливали какъ шелкъ, а между тѣмъ разница въ цѣнѣ была невообразимаая, чуть не на 90 процентовъ дешевле.

Первый спектакль въ новыхъ костюмахъ прошелъ среди всеобщаго ликованія, второй тоже... Къ третьему измятыя рубашки пришлось тщательно перегладить, что и блескъ у нихъ весь отняло и времени взяло неимовѣрно много, а когда дошло дѣло до стирки, то экономное начальство пришло въ полное и непритворное отчаяніе. Оказалось, что дешевые ситцы всѣ полиняли, и перестиранныя рубашки не только для серьезной сцены не годились, но и любой водовозъ не вышелъ бы въ такомъ нарядѣ на улицу въ праздничный день.

Никто такъ не потѣшался надъ этой начальнической неудачей, какъ графъ Соллогубъ, приглашавшій Бѣгичева и Пельта навсегда отказаться отъ преслѣдованія подобной «дорогой экономіи», несогласной съ достоинствомъ ввѣреннаго имъ учрежденія.

Но голосъ его остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и при постановкѣ Федотовской трагедіи «Годуновы» Музиль, исполнявшій

роль мужика-пропойца, съ согласія и даже по указанію автора, вышелъ на сцену въ изорванномъ полушубкѣ, на плечѣ котораго было большое пятно.

Соллогубъ, сидѣвшій рядомъ съ ложей, въ которой сидѣла я, громко спросилъ:

— Скажите мнѣ пожалуйста, А. И., что вы сейчасъ видѣли на плечѣ Музиля?

— Что? Сальное пятно!..—съ улыбкой отвѣтила я.

— Только? Ну, нѣтъ, я съ вами не согласенъ. Для меня въ этомъ «реальномъ» пятнѣ встала заря паденія русской сцены.

Его слова оказались отчасти пророческими, и постепенно овладѣвающая русской сценой преувеличенная погоня за реальностью далеко не служитъ къ поднятію уровня нашей сцены.

Къ числу выдающихся особенностей графа Соллогуба принадлежала его изъ ряда вонъ выходившая рѣзкость, часто переходившая въ положительную дерзость. Очень прямой и экспансивный въ своихъ, часто ничѣмъ необъяснимыхъ симпатіяхъ, графъ и въ выраженіи своихъ антипатій не стѣснялся и доходилъ иногда до невозможныхъ выходокъ.

Такъ, напримѣръ, онъ питалъ непреодолимую антипатію къ Родиславскому, извѣстному сначала въ качествѣ переводчика иностранныхъ пьесъ, затѣмъ попавшему въ серьезный фаворъ къ московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову и дослужившемуся до серьезнаго и отвѣтственнаго поста правителя дѣлъ его канцеляріи.

Случай, о которомъ я хочу говорить, имѣлъ мѣсто, когда Родиславскій этого почетнаго поста еще не занималъ, но былъ уже въ чинѣ статскаго совѣтника и занималъ должность секретаря и казначея при драматическомъ обществѣ, чуть ли не ему обязанномъ своимъ возникновеніемъ.

Очень милый и обязательный человѣкъ, снискавшій себѣ впослѣдствіи искреннюю любовь всей Москвы, Родиславскій имѣлъ одинъ, хотя и безобидный, но существенный недостатокъ. Онъ былъ до крайности нечистоплотенъ. Соллогубъ, напротивъ, былъ педантично чистъ и брезгливъ до смѣшного. Недостатокъ Родиславскаго былъ одной изъ главныхъ причинъ недружелюбнаго отношенія къ нему прихотливаго графа, и онъ, ничѣмъ не стѣсняясь, публично исповѣдывалъ эту антипатію.

Они часто встрѣчались въ домѣ литератора Пановскаго, съ которымъ оба были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и вотъ тутъ-то и произошло слѣдующее неловкое столкновеніе.

Соллогубъ въ разговорѣ нѣсколько разъ придирчиво относился къ Родиславскому, намѣренно стараясь сказать ему что-нибудь непріятное, и, остановленный Пановскимъ, капризно заявилъ, что такъ разговаривать нельзя, и что въ такомъ случаѣ онъ лучше уйдетъ.

— И уходи —въ свою очередь, недовольнымъ голосомъ отвѣтилъ Пановскій.

Соллогубъ всталъ, прошелъ въ залу, и тамъ, остановившись передъ столомъ, на которомъ сложено было нѣсколько шляпъ и фуражекъ собравшихся посѣтителей, взялъ шляпу Родиславскаго и плюнулъ въ нее.

Послѣдній не замѣтилъ изъ гостиной, гдѣ сидѣлъ, этой глупой выходки, но Пановскій ее увидалъ и въ волненіи пришелъ въ залу къ Соллогубу.

— Что жъ это ты, въ самомъ дѣлѣ?..—укоризненно произнесъ онъ.

— Ничего, какъ видишь, плюнулъ!

— Да развѣ такъ можно? И что тебѣ сдѣлалъ этотъ бѣдный Родиславскій?

— Ровно ничего. Это ты одинъ виноватъ!

— Я? Виноватъ въ томъ, что ты плюнулъ въ его шляпу?!.

— Разумѣется! Зачѣмъ ты не ставишь плевальницъ? За отсутствіемъ этой необходимой принадлежности всякой порядочной комнаты мнѣ оставалось только плюнуть въ то, что всего грязнѣе, ну, а грязнѣе шляпы милѣйшаго Владимира Ивановича я ничего не нашелъ!

Въ ту минуту Пановскій тщательно скрылъ отъ Родиславскаго эту школьническую выходку, но впослѣдствіи она какъ-то дошла до него, и чуть не разгорѣлась въ серьезную исторію.

Родиславскаго удалось уговорить только тѣмъ, что все это давно прошло и что заднимъ числомъ никакая обида разбирательству не подлежитъ.

Въ общемъ, благодаря этой исключительной рѣзкости и несдержанности, у Соллогуба было мало друзей, хотя по душѣ онъ былъ вовсе не дурной человѣкъ.

Долговъ у Соллогуба, по русской пословицѣ, было больше, нежели волосъ на головѣ, и онъ такъ сроднился съ ними и признавалъ свою крайнюю задолженность такимъ обычнымъ, чуть не обязательнымъ явленіемъ, что, перечисляя какъ-то количество ежегоднаго прихода своего, онъ пресерьезно включалъ сюда возможность пріумножить свои неоплатные долги и пресерьезно говорилъ:

— Ну, сверхъ всего этого я задолжаю еще тысячи три или четыре!..

Я лично знала графа Соллогуба уже на склонѣ лѣтъ его, и при всей его несомнѣнной корректности и его исключительно блестящемъ образованіи, въ немъ, строго говоря, мало оставалось отъ прежняго большого барина. Наружно онъ тоже сильно измѣнился сравнительно съ тѣмъ, что мнѣ приходилось о немъ слышать въ его лучшіе годы.

Когда я его узнала, это былъ тяжеловатый, пожилой человѣкъ съ широкими жестами, необыкновенно громкимъ голосомъ и очень

развязными манерами, и отъ прежняго «барина» у него оставался только сильно импонирующій тонъ да какая-то завзятая, словно неряшливая самоувѣренность.

Артисты его не любили, но боялись его мѣткихъ эпиграммъ и его злого языка, и при чтеніи имъ какой-нибудь вновь написанной имъ пьесы, для чего труппа обыкновенно собиралась въ полномъ составѣ у Бѣгичева, — ему усердно аплодировали, пьесу его расхваливали, но отъ постановки ея въ свой бенефисъ каждый тщательно уклонялся.

Лучшей изъ всѣхъ имъ написанныхъ небольшихъ пьесъ считается «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», до сихъ поръ еще не сошедшая съ репертуара, несмотря на то, что въ первый разъ она была поставлена въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Въ Петербургѣ графъ Соллогубъ въ лучшую свою пору принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ и преуспѣяніи клуба художниковъ, основаннаго группой художниковъ и литераторовъ и помѣщавшагося въ Троицкомъ переулкѣ, въ домѣ Руадзе. Во главѣ основателей кружка были: два брата Маковскихъ, Лагоріо, академикъ Воголюбовъ и другіе. Однимъ изъ первыхъ старшинъ клуба былъ старшій братъ К. А. Варламова, Г. А. Варламовъ. Учрежденіе это было однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ уголковъ художественнаго и интеллигентнаго Петербурга, и ни одинъ изъ настоящихъ клубовъ и спеціальныхъ кружковъ даже и приблизительнаго понятія о немъ дать не можетъ. Тамъ за ужиномъ ежедневно сходилось все, что столица считала въ средѣ своей талантливаго и интеллигентнаго, бесѣда шла веселая и оживленная, экспромты лились рѣкой, и веселье царило самое широкое и непринужденное. Однимъ изъ главныхъ презусовъ за этими веселыми артистическими ужинами былъ поэтъ Минаевъ, не знавшій себѣ соперниковъ ни въ веселыхъ бойкихъ экспромтахъ, ни въ ѣдкихъ эпиграммахъ. Одной изъ кассиршъ клуба въ то время была нѣкто Климова, молодая дѣвушка замѣчательной красоты, но отличавшаяся необыкновенно странной и почти дикой привычкой. Она не только очень много курила папиросъ, что въ тѣ времена было рѣдкостью въ особахъ прекраснаго пола, но, разговаривая, она собирала пепелъ отъ папиросы въ руку, и затѣмъ, поднося горсть ко рту, проглатывала весь табачный пепелъ. Надъ ней немало подсмѣивались, всячески стараясь отучить ее отъ этой непостижимой привычки, ее громко и безцеремонно останавливали, но ничто не могло ее исправить, и она попрежнему и курила безостановочно, и пепелъ отъ выкуренныхъ папиросъ проглатывала безъ остатка.

Минаевъ, какъ извѣстно, много и часто пившій, иногда, по его выраженію, «шабашилъ» и временно воздерживался совершенно отъ вина, предоставляя себѣ право вознаградить себя при первомъ удобномъ случаѣ новымъ широкимъ запоемъ.

Однажды, послѣ одного изъ «антрактовъ», Минаевъ за ужиномъ сталъ наливать себѣ рюмку за рюмкой, и на вопросъ товарищей, зачѣмъ онъ опять «разрѣшилъ», сказалъ съ комическимъ упрекомъ, указывая въ ту сторону, гдѣ за кассой сидѣла молодая курильщица:

Когда я увидалъ,
Что Климова ѣстъ пепелъ,
То снова началъ пить,
Хотя давно ужъ не пилъ.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей и дѣятельныхъ членовъ клуба былъ нѣкто Гіероглифовъ, редакторъ какого-то журнальчика, человѣкъ очень образованный, очень начитанный, но не въ мѣру щеголявшій и этимъ образованіемъ, и этой начитанностью. Ко всѣмъ и ко всему онъ относился какъ-то свысока, какъ будто снисходя къ простымъ смертнымъ и сверху внизъ глядя на всѣхъ съ высоты своей учености. Однажды за очень многочисленнымъ ужиномъ Гіероглифовъ, очень цѣнившій талантъ Минаева, но цѣнившій его по-своему свысока, обратился къ поэту съ снисходительнымъ, шутливымъ вопросомъ:

— Скажите пожалуйста, отчего это вы никогда мнѣ ни одного изъ вашихъ экспромтовъ не посвятите?

— Вамъ? — отвѣтилъ Минаевъ. — Сдѣлайте одолженіе!.. Я всегда готовъ, у меня за этимъ задержки нѣтъ!

И, подумавъ съ минуту, громко произнесъ:

Поклонникъ соціальныхъ мнѣній,
Ученій смутныхъ педагогъ,
Не потому ль вы Гіероглифовъ
Что васъ никто понять не могъ?

Бойкій экспромтъ встрѣченъ былъ единодушными аплодисментами, а у Гіероглифова надолго отнялъ желаніе порисоваться и прихвастнуть своими знаніями,

Живыя картины въ этомъ клубѣ ставились такими художниками, какъ Маковскій и Лагоріо, и были верхомъ изящества и совершенства, и старожилы петербургскіе еще помнятъ неподражаемую картину, изображавшую летящаго ангела, окруженнаго облаками и сжимавшаго въ объятіяхъ своихъ ребенка. Ловко положенный въ наклонно поставленное кресло-качалку, искусно задрапированное декоративными облаками, летящій ангелъ, съ поднятыми къ небу глазами, казался дѣйствительно чуднымъ видѣніемъ, и картина вызвала шумные и вполнѣ заслуженные аплодисменты. Ангела изображала миніатюрная и поэтически красивая молоденькая м-me Зубарева, жена бывшаго секретаря городской думы, въ настоящую минуту уже умершая, и открывалась картина подъ звуки извѣстнаго романса Варламова:

По небу полуночи ангелъ летѣлъ.

И это все отошло въ вѣчность, и вся эта поэзія искусства была и прошла, и «быльемъ поросла»... замѣненная нынче кэкъ-уоками и «танцами апашей».

Autres temps—autres soins!—какъ говорятъ французы. (Иныя времена, иныя и заботы!..

Бывши еще ребенкомъ, я помню тестя графа Соллогуба, графа Віельгорскаго, знаменитаго музыканта-любителя, не составившаго себѣ громкаго артистическаго имени единственно только по принадлежности своей къ высшей аристократіи, изъ среды которой въ тѣ времена на артистическій путь никто не выходилъ.

Графъ Віельгорскій былъ музыкантъ въ душѣ, по жанру музыки всего больше подходившій къ Шопену, и его романсы, пережившіе три четверти столѣтія, до сихъ поръ еще исполняются людьми, настоящимъ образомъ понимающими музыку. Особенно извѣстенъ былъ въ свое время его романсъ «Бывало, бывало», изъ котораго почти цѣликомъ списанъ цыганскій дуэтъ «Ночи безумныя», имѣющій такой неувядаемый успѣхъ въ цыганскомъ репертуарѣ.

Близко стоявшій ко двору въ эпоху царствованія императора Николая Павловича, Віельгорскій очень часто игралъ на интимныхъ вечерахъ императрицы Александры Ѳедоровны, которая очень любила музыку, знала въ ней толкъ и заслушивалась Віельгорскаго по нѣсколько часовъ сряду.

Исключительно разсѣянный всегда, Віельгорскій въ тѣ минуты, когда онъ отдавался музыкальному вдохновенію, совершенно отрѣшался отъ живого міра, и это было однажды источникомъ такой неосторожности, которая могла только ему пройти безнаказанной.

Главная прелесть и главное достоинство игры графа Віельгорскаго состояли въ томъ, что онъ рѣдко исполнялъ уже знакомыя ему вещи, а чаще всего импровизировалъ, и импровизаціи его, гармоничныя, увлекательныя, вдохновенныя, такъ далеко уносили его въ міръ фантазіи, что онъ на время совершенно отрѣшался отъ всего его окружавшаго, и весь отдавался своему вдохновенному искусству.

Однажды, когда Віельгорскій пилъ чай въ кабинетѣ императрицы и съ чашкой въ рукѣ подошелъ къ роялю, онъ, поставивъ чашку на пюпитръ, прикоснулся къ клавишамъ и, забывшись, весь ушелъ въ міръ звуковъ.

Всѣ внимательно и пристально слушали музыку, императрица подошла и облокотилась на рояль, а Віельгорскій, тѣмъ временемъ, отрываясь минутами, чтобы отхлебнуть глотокъ холоднаго чая изъ поставленной имъ на роялѣ чашки, допилъ послѣдній глотокъ и машинально, видя передъ собой кого-то и не разбирая, кого именно, протянулъ пустую чашку императрицѣ.

Всѣ остолбенѣли, а императрица, съ улыбкой принявъ чашку, передала ее камеръ-лакею.

Віельгорскій и тутъ ничего не замѣтилъ, и спустя нѣсколько времени только, когда онъ всталъ изъ-за рояля, дежурный камергеръ въ глубокомъ смущеніи осторожно передалъ ему о случившемся недоразумѣніи.

Віельгорскій въ глубокомъ смущеніи подошелъ къ императрицѣ и не зналъ, какъ приступить къ объясненію, но она, милостиво улыбнувшись, замѣтила, что очень охотно оказала ему эту «маленькую услугу».

Графъ Соллогубъ, какъ я уже выше сказала, былъ первымъ изъ литераторовъ, поощрившимъ меня на вступленіе въ литературную карьеру.

Его совѣту не размѣниваться на газетные «пятаки» я послѣдовать не могла, потому что нужно было заработывать что-нибудь постоянно, а беллетристическая работа постояннаго дохода не даетъ, тогда какъ газета ежедневно приноситъ что-нибудь.

Это грустно, но не я одна такъ «размѣнялась» въ русской прессѣ.

Первую повѣсть свою я представила въ «Русскій Вѣстникъ», она была прочитана мною въ кружкѣ литераторовъ въ домѣ Любимова, въ то время редактировавшаго этотъ журналъ, и встрѣчена была очень благосклонно. Когда она, уже набранная для «Русскаго Вѣстника», была просмотрѣна самимъ Катковымъ, то онъ, вполнѣ одобривъ ее по изложенію и по завязкѣ, потребовалъ, чтобы изъ нея выпущена была глава, написанная съ серьезнымъ порицаніемъ нѣкоторой части администраціи. Я на такое исправленіе не согласилась,—въ тѣ далекія времена и начинающіе литераторы имѣли полное право голоса,—и Катковъ, сохраняя прежнее, вполнѣ благосклонное отношеніе ко мнѣ и моей газетной работѣ, отсрочилъ печатаніе повѣсти до тѣхъ поръ, пока мы придемъ къ соглашенію,—но соглашенія этого не послѣдовало, и повѣсть годъ спустя была напечатана въ «Бесѣдѣ», редакторомъ которой былъ въ то время всѣмъ близко и хорошо памятный С. А. Юрьевъ.

Сергѣй Андреевичъ болѣе нежели благосклонно отнесся къ моей повѣсти, и тутъ я имѣла возможность видѣть и вполнѣ оцѣнить то почетное отношеніе, какимъ пользовалась въ то время пресса со стороны самыхъ доблестныхъ ея служителей.

Секретаремъ «Бесѣды» былъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ, впослѣдствіи управляющій конторою московскихъ императорскихъ театровъ,—и повѣсть, прочитанная и цѣликомъ одобренная Юрьевымъ, передана была Майкову для помѣщенія ея въ журналѣ.

Съ мнѣніемъ, выраженнымъ Катковымъ, Юрьевъ согласился, но благосклонно призналъ, что изъ моей повѣсти «жаль даже одно слово выкинуть».

Видѣлась и познакомилась я съ нимъ лѣтомъ; онъ познакомилъ меня съ своей женой, такой же обаятельно милой и любезной, какъ

и онъ самъ, и я получила лестное приглашеніе посѣщать ихъ гостепріимный домъ.

Я еще не успѣла воспользоваться этимъ дорогимъ и любезнымъ приглашеніемъ, какъ внезапно и совершенно неожиданно для себя получила приглашеніе пріѣхать на дачу къ А. Ѳ. Писемскому, съ которымъ я вовсе не была знакома и котораго даже ни разу не видала. Приглашеніе это передано мнѣ было Майковымъ, который въ отвѣтъ на выраженное мною удивленіе сказалъ мнѣ, что Писемскій пожелалъ со мной познакомиться потому, что прочиталъ въ рукописи мою повѣсть и хотѣлъ побесѣдовать со мной по этому поводу.

Я очень охотно откликнулась на приглашеніе Писемскаго, тѣмъ болѣе, что Майковъ сказалъ мнѣ, что самъ онъ никогда никуда не выѣзжаетъ, потому что «аккуратно каждый день умираетъ».

Въ отвѣтъ на мое недоумѣніе онъ объяснилъ мнѣ, что Писемскій страшно мнителенъ, до ужаса боится холеры, и во все время, пока въ продажѣ есть ягоды и дешевые фрукты, ежедневно ощущаетъ признаки наступающей холеры.

— Въ такомъ случаѣ не надо ѣсть фруктовъ!...—разсмѣялась я.

— Да онъ ихъ не ѣстъ никогда. Онъ, такъ сказать, платонически боится холеры!... Да вотъ поѣдете, сами увидите.

Въ назначенный день къ вечернему чаю я была на дачѣ Писемскаго, который жилъ въ подмосковномъ селѣ Останкинѣ, впослѣдствіи принесенномъ владѣльцемъ его, графомъ Шереметевымъ, въ даръ покойной императрицѣ Маріи Александровнѣ.

Майковъ тоже пріѣхалъ со мною вмѣстѣ, и насъ очень мило и любезно встрѣтила жена Писемскаго, двоюродная сестра Майкова. Самъ Писемскій ждалъ насъ на балконѣ, сидя въ глубокомъ креслѣ и весь обложенный подушками.

— Что опять боленъ?—разсмѣялся Майковъ.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ безнадежно махнулъ рукой.

— Не говори!...—Такой страшный приступъ былъ вчера, что прямо думалъ, что умру.

Мы размѣстились на балконѣ, куда вскорѣ затѣмъ поданъ былъ самоваръ. Вмѣстѣ съ чаемъ поданы были сливки, масло и крупная сочная земляника.

Писемскій молча вздыхалъ, время отъ времени прижимая руку къ груди и къ желудку.

Мнѣ налили чаю, и не успѣла я протянуть руку къ блюдечку, чтобы наложить себѣ ягодъ, какъ Писемскій громко воскликнулъ:

— Что это вы? Кажется, ягоды ѣсть собираетесь! Сохрани васъ Богъ! Что вамъ развѣ жизнь надоѣла?

Я улыбнулась и поставила блюдечко на мѣсто.

— Что это!—сконфуженно пожала плечами его жена.—Вмѣсто того, чтобы угощать гостей, ты имъ мѣшаешь кушать?

— Не могу же я допускать, чтобы люди при мнѣ отравлялись. Вѣдь это самоубійство ягоды теперь ѣсть!

Майкова пожала плечами и пододвинула ко мнѣ сливки. Писемскій быстро потянулся черезъ столъ и отодвинулъ отъ меня молочникъ.

— Не трогайте!.. Ради Бога не трогайте!—взмолился онъ.—Ничего не можетъ быть вреднѣе сливокъ.

Майковъ чуть не падалъ отъ смѣха.

Жена Писемскаго конфузилась все сильнѣе и сильнѣе.

Я взяла кусокъ бѣлаго хлѣба, и она поторопилась подвинуть ко мнѣ сливочное масло.

Писемскій торопливо рванулъ отъ меня масленку.

— Ради Бога, только не масло!—воскликнулъ онъ.—Это ужасно вредно. Хуже масла я ничего не знаю. Да и на что это нужно? Какъ будто бѣлаго хлѣба одного мало?

— Алексѣй Ѳеофилактовичъ, да помилосердуй же ты!—въ свою очередь, взмолилась Майкова.—Вѣдь m-me Соколова въ первый разъ у насъ въ домѣ. Она съ твоими чудесами не знакома! Что она объ насъ подумаетъ? Все ты у нея вырываешь, и все отъ нея отодвигаешь... Развѣ это возможно?

— А отравлять гостей возможно?—съ укоризной возразилъ онъ.

Чай, благодаря этому оригинальному гостепріимству, прошелъ очень весело, и затѣмъ послѣдовала литературная бесѣда.

Писемскій сообщилъ мнѣ, что Майковъ доставилъ ему для прочтенія мою повѣсть, что онъ находитъ слогъ мой очень красивымъ и правильнымъ, но что одно мѣсто изъ повѣсти онъ «вычеркнулъ».

Меня это немножко удивило, но, не зная, о какомъ именно мѣстѣ повѣсти идетъ рѣчь, я не стала возражать, предоставляя себѣ право сдѣлать это, когда узнаю, что именно изъ моей повѣсти выброшено.

Писемскій передалъ мнѣ рукопись, и, къ моему крайнему удивленію, я увидала, что вычеркнуто то именно мѣсто повѣсти, которое при чтеніи у Любимова вызвало всеобщее одобреніе, а именно разсужденіе о характерѣ русской пѣсни и о вырожденіи ея, вытѣсняемой современными фабричными «романцами».

Я не могла не выразить Писемскому моего глубокаго удивленія по поводу такого «вычеркиванья», но онъ возразилъ мнѣ, что это его личное мнѣніе и что начинающій литераторъ не можетъ спорить съ литературнымъ авторитетомъ.

Я «спорить» и не стала, но порѣшила обратиться къ Юрьеву, не съ претензіей, но за разъясненіемъ для руководства при дальнѣйшей работѣ въ журналѣ.

Писемскій показался мнѣ нѣсколько удивленнымъ тѣмъ, что я не подчинилась безпрекословно его распоряженію, а пожелала узнать причину, и, отодвинувъ рукопись, повелъ разговоръ о

своей повѣсти «Водоворотъ», печатавшейся въ то время въ «Бесѣдѣ» и тянувшейся уже въ нѣсколькихъ книгахъ.

Мнѣ повѣсть эта не особенно нравилась, я находила ее нѣсколько циничной, какъ, впрочемъ, почти все, выходившее изъ-подъ пера этого, несомнѣнно, даровитаго писателя, носившаго даже въ товарищескомъ кружкѣ прозваніе «Іона циникъ», и въ разговоръ о повѣсти не вмѣшалась, что, кажется, тоже не особенно расположило Писемскаго въ мою пользу.

Но выразить мнѣ свое одобреніе или неодобреніе онъ не имѣлъ времени. Наступилъ его ежедневный «кризисъ», онъ, извинившись передо мною, легъ тутъ же на террасѣ на большой диванъ и, выславъ насъ всѣхъ на минуту, весь обложился горчичниками.

Я собралась уѣзжать, но Майкова уговорила меня остаться и погулять покуда по саду. Болѣзни мужа она никакого значенія не придавала, и горчичники подавала и ставила ему только для того, чтобы его не раздражать, такъ какъ припадками желчи онъ дѣйствительно и непритворно страдалъ.

Пробывъ у Писемскихъ еще около часа, я уѣхала вмѣстѣ съ Майковымъ, и на другой же день отправилась къ Юрьеву для объясненія. Онъ принялъ меня съ обычнымъ своимъ радушіемъ, выслушалъ меня внимательно, и когда я кончила, съ удивленіемъ спросилъ меня:

— Какъ Писемскій вычеркнулъ? Зачѣмъ же вы показывали ему свою повѣсть, разъ уже одобренную мною?

Я объяснила, что показывала повѣсть не я, и что передана она была Писемскому изъ его редакціи.

— Изъ моей редакціи?!... — почти привскочилъ онъ. — Какъ изъ моей редакціи? Кто вамъ это могъ сказать?

— И самъ Писемскій, и Майковъ, который отдалъ ему мою повѣсть для прочтенія.

— И вы въ этомъ увѣрены?

— Какъ же не увѣрена, когда они оба мнѣ это сами сказали!

Юрьевъ покраснѣлъ и, видимо, разсердился настолько, насколько чувство гнѣва могло быть доступно его кроткой и миролюбивой натурѣ.

— Позвольте!.. Я такъ этого оставить не могу!..—въ волненіи заговорилъ онъ. — У васъ есть время посидѣть съ нами? Сейчасъ придетъ жена и дастъ намъ позавтракать, а тѣмъ временемъ я пошлю за Майковымъ. Онъ теперь въ нашей немудрой редакціи.

Я перешла въ столовую, а за Майковымъ было послано въ редакцію, дѣйствительно очень немудрую и помѣщавшуюся въ небогатыхъ меблированныхъ комнатахъ на Срѣтенкѣ, гдѣ подъ нее снято было два небольшихъ номера.

Майковъ пріѣхалъ во время завтрака, и Юрьевъ принялъ его почти сурово.

— Разъясните мнѣ, пожалуйста, странное и совершенно непостижимое для меня недоразумѣніе!—обратился онъ къ нему.—Вотъ г-жа Соколова говоритъ, будто бы Писемскій рукопись ея повѣсти читалъ, да мало того, что читалъ, а еще критиковалъ и даже... исправлялъ! Что за исторія такая?.. Какимъ образомъ повѣсть, переданная авторомъ мнѣ, мною одобренная и затѣмъ переданная вамъ, какъ секретарю редакціи, могла очутиться въ рукахъ лица, ни съ которой стороны къ редакціи не причастнаго?

Майковъ слегка замялся и сказалъ, что далъ прочесть рукопись Писемскому, какъ замѣчательную работу начинающаго литератора.

— Такъ литератора же, а не ученика!..—недовольнымъ голосомъ воскликнулъ Юрьевъ.—И какъ ни была велика ваша неосторожность, она все-таки не давала Писемскому права меня оскорблять, потому что сдѣланныя имъ «поправки» я принимаю за личную обиду себѣ! У насъ въ журналѣ не ученики работаютъ, а литераторы, и балловъ мы имъ не ставимъ, и безъ ихъ вѣдома одной буквы выкинуть не можемъ! Вещь можетъ годиться или не годиться, подходить или не подходить къ характеру журнала, но разъ она принята, никто не имѣетъ права налагать на нее руку!

Майковъ попробовалъ возразить противъ такого строгаго отношенія къ нему и къ Писемскому, но Юрьевъ перебилъ его словами:

— Вотъ я нахожу, что Алексѣй Ѳеофилактовичъ очень злоупотребляетъ терпѣніемъ и читателей «Бесѣды» и редакціи, и что «Водовороту» его давно пора бы было кончиться. Я принялъ его продолженіе на вѣру, познакомившись только съ проспектомъ его содержанія, а онъ тянетъ его безъ конца, и, печатая этотъ нескончаемый «Водоворотъ», редакція ставитъ себя въ положеніе разсказчика, передающаго нескончаемую сказку про бѣлаго бычка.

Не знаю, передалъ ли Майковъ Писемскому слова Юрьева во всемъ ихъ строгомъ значеніи, но года два или три спустя, когда я въ качествѣ театральнаго рецензента присутствовала на спектаклѣ, въ которомъ Писемскій самъ исполнялъ роль Ананія Яковлева въ «Горькой Судьбинѣ», и за кулисами встрѣтилась съ загримированнымъ для исполненія Писемскимъ, то онъ сказалъ мнѣ, что надѣется, что я дамъ вполнѣ снисходительный отзывъ объ его игрѣ.

— Во-первыхъ, я не заправскій актеръ,—сказалъ онъ:—а, во-вторыхъ, вы сами такъ исключительно самолюбивы, что и чужое самолюбіе, надѣюсь, пощадите!

Къ Юрьеву я на всю жизнь сохранила самое горячее чувство уваженія и признательности и прямо-таки обожала его, какъ его обожали всѣ, кто его зналъ и видѣлъ.

Это была сама доброта и само безкорыстіе, и, отдавъ всю жизнь свою высокоталантливому труду, онъ всю жизнь свою былъ бѣденъ, какъ Іовъ многострадальный, и жилъ болѣе нежели скромно,

занимая квартиру на углу Садовой, въ сѣромъ деревянномъ домѣ Пятницкаго.

Къ числу характерныхъ особенностей Юрьева принадлежала необычайная разсѣянность, благодаря которой ему удавалось подчасъ попадать въ такой просакъ, изъ котораго положительно не было исхода, и о его чудачествахъ на этой почвѣ ходила по Москвѣ масса самыхъ характернымъ и самыхъ забавныхъ анекдотовъ.

Такъ, напримѣръ, однажды онъ, созвавъ къ себѣ гостей и устроивъ нѣчто въ родѣ довольно неудачнаго литературнаго вечера, въ самый разгаръ его, задолго до скромнаго ужина, безъ котораго отъ Юрьевыхъ никогда не расходились, сталъ пробираться къ выходу и озабоченно рылся въ залѣ въ грудѣ сложенныхъ на роялѣ шляпъ и шапокъ гостей.

Жена его, замѣтивъ этотъ маневръ, поспѣшила подойти къ нему.

— Чего это ты тутъ ищешь, Сергѣй Андреичъ?—спросила она.

Онъ слегка подмигнулъ ей.

— Шапку свою ищу!—шепотомъ отвѣтилъ онъ.—Такая, я тебѣ скажу, скука, что мочи нѣтъ! И охота же это устраивать такіе скучные вечера? Ужъ именно, какъ говорится, ни цвѣту, ни радости! Поѣдемъ и ты со мной. Прощаться съ хозяевами не станемъ. Обидятся еще, пожалуй, что мы рано уѣзжаемъ! А что у нихъ тутъ дѣлать среди такой смертельной скуки?

Женѣ, среди неудержимаго смѣха, едва удалось растолковать ему, что хозяева этого непомѣрно скучнаго вечера были они сами, и что онъ собирался тайно скрыться изъ своего собственнаго дома.

Умеръ Юрьевъ такимъ же бѣднякомъ, какимъ провелъ всю почетную жизнь свою, и мало кто оставилъ по себѣ такую свѣтлую, безукоризненную память, какую оставилъ онъ.

Разъ навсегда извиняюсь передъ читателями за отсутствіе въ моихъ воспоминаніяхъ строго хронологическаго порядка—я передаю факты въ томъ порядкѣ, въ какомъ они приходятъ мнѣ на память, свѣряясь только въ ихъ подробностяхъ съ тѣмъ, что своевременно занесено было мною въ отрывочныя воспомнианія, впослѣдствіи собранныя въ одно цѣлое.

Я смѣло ручаюсь только за фактическую непогрѣшимость всего передаваемаго и за строгую вѣрность приводимыхъ мною датъ, но хронологическаго порядка я соблюсти не могла, такъ какъ воспоминанія мои обнимаютъ слишкомъ долгій періодъ времени и слишкомъ различные районы видѣннаго мною общества.

Много раньше моей встрѣчи съ Юрьевымъ, въ эпоху, когда мнѣ и въ голову не приходило когда-нибудь пристать къ цеху русскихъ литераторовъ, я познакомилась, или, точнѣе, встрѣтилась, съ однимъ изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ поэтовъ нашихъ, Меемъ, и первая встрѣча моя съ нимъ была болѣе нежели оригинальна.

Лѣтомъ 1857 года я часто бывала на дачѣ графа Кушелева-Безбородка, или на такъ называемой Кушелевкѣ, гдѣ проживала моя тетка, бывшая инспектрисса Смольнаго монастыря, вмѣстѣ съ кузиной моей, которая была очень дружна съ графиней Кушелевой, въ то время еще м-ме Голубцевой.

Дачъ у Кушелева было нѣсколько, и всѣ онѣ были заняты безвозмездно его знакомыми.

Въ числѣ послѣднихъ былъ и Мей, неисчерпаемый талантъ котораго не уступалъ его неисчерпаемому пристрастію къ крѣпкимъ напиткамъ.

Онъ очень любилъ кузину Леленьку, часто къ ней приходилъ, читалъ ей въ рукописи все, что онъ въ то время писалъ, и, не стѣсняясь часами своихъ визитовъ и руководствуясь въ этомъ, какъ и во всемъ, однимъ только «вдохновеніемъ», онъ являлся иногда позднимъ вечеромъ, чуть не на зарѣ, въ особенности позволяя себѣ подобную вольность «бѣлыми ночами», въ которыя онъ, по его увѣренію, утрачивалъ и чувство времени, и сознаніе мѣста. Но когда къ этому «безсознательному состоянію» прибавлялись еще и винные пары, то появленіе Мея не останавливалось уже ни передъ какими преградами, и ему достаточно было видѣть въ комнатѣ Леленьки огонь, чтобы явиться туда какимъ бы то ни было путемъ.

Однажды, когда я особенно долго засидѣлась у кузины, и тетка уже давно спала, мы, увлекшись разговоромъ, были внезапно поражены какимъ-то шумомъ въ сторонѣ отвореннаго окна, и громко вскрикнули, увидавъ въ окнѣ какую-то взъерошенную фигуру, хриплымъ шопотомъ возвѣстившую намъ:

— Не безпокойтесь, это я!

Леленька покатилась отъ смѣха и поспѣшила успокоить меня словами:

— Не бойся, это нашъ сосѣдъ Мей! Онъ иногда любитъ влѣзать въ окошко...

— Влѣзайте, Мей, влѣзайте!—обратилась она въ сторону окна.

Оригинальный гость не заставилъ себя просить, и однимъ прыжкомъ очутился въ комнатѣ.

Леленька насъ познакомила, онъ почему-то погрозилъ мнѣ и, почему-то заподозрѣвъ меня въ желаніи съ нимъ пококетничать, обратился ко мнѣ съ какою-то импровизаціей, изъ которой у меня въ памяти остались только два первые стиха:

Не гляди на меня такъ лукаво,
Не къ тебѣ я пришелъ черезъ окно...

Но этотъ укоръ въ мнимомъ «лукавствѣ» былъ совершенно напрасенъ. Я ни на минуту не думала «глядѣть лукаво», и на свой счетъ его появленія «чрезъ окно» не приняла и не могла принять. Я просто видѣла, что человѣкъ сильно выпилъ, и, смертельно боясь

пьяныхъ, себя не помнила отъ испуга. На этотъ разъ онъ на меня за это сильно разсердился, довольно громко «шепнулъ» Леленькѣ, что я красива, но глупа, и довольно дикпмъ голосомъ запѣлъ «Санту Лючію», аккомпанируя себѣ вмѣсто гитары на зонтикѣ, который онъ тутъ же схватилъ со стола. Затѣмъ онъ предложилъ Леленькѣ протанцовать съ нимъ вмѣстѣ тарантеллу, и на отказъ ея отъ такого импровизированнаго балета, порѣшилъ протанцовать свою тарантеллу соло, но запнулся за коверъ, упалъ, вскочилъ, отряхнулся и, стремительно вскочивъ па окно, исчезъ изъ дачи тѣмъ же путемъ, какимъ онъ въ нее проникъ.

Впослѣдствіи я довольно часто съ нимъ встрѣчалась, спачала лѣтомъ на дачѣ у кузины, а зимой въ домѣ графини Любови Ивановны Кушелевой-Безбородко, въ то время уже разведенной съ Голубцевымъ и обвѣнчавшейся съ графомъ Григоріемъ Александровичемъ Кушелевымъ-Безбородко, уплатившимъ Голубцеву пятьдесятъ или сто тысячъ за разводъ.

А. И. Соколова.